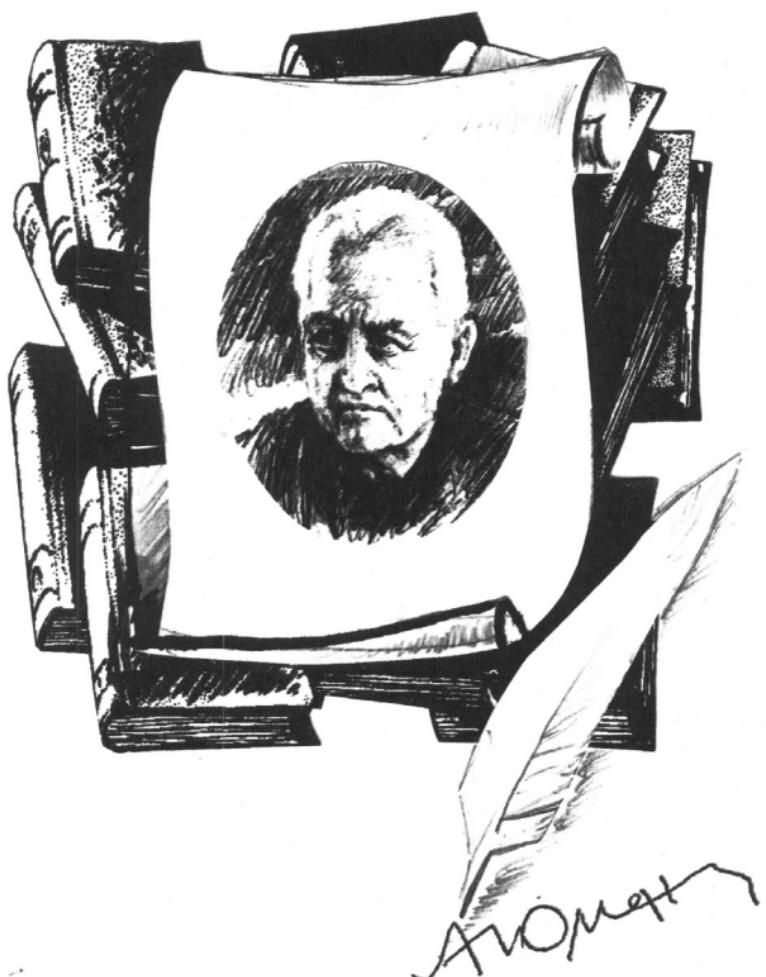

Литературная коллекция

ПОЭТЫ
УЛЬЯНОВСКОГО–СИМБИРСКОГО КРАЯ

*Серия основана
решением Совета по книгоизданию
Ульяновской области
в 2011 году*

Анатолий ЮМАН

Сокровенное

Избранные стихотворения. Поэмы

Ульяновск
Издательский дом «Караван»
2011

УДК 8
ББК 84 С(Чув)-5
Ю41

*Издание осуществлено при поддержке
Губернатора – Председателя Правительства
Ульяновской области С.И. Морозова*

Серия «Литературная коллекция»
посвящена 60-летию
Ульяновского регионального отделения
Союза писателей России

Под общей редакцией В.В. МАТВЕЕВОЙ

Художник Николай Кондрашкин

Ю41 Юман А.

Сокровенное: Избранные стихотворения.
Поэмы. – Ульяновск: Издательский дом
«Караван», 2011. – 216 с.

ISBN 978-5-91981-005-6

В сборник включены лучшие гражданские и лирические стихи и поэмы известного чувашского поэта Анатолия Юмана в переводе ульяновских и чувашских поэтов-переводчиков.

ISBN 978-5-91981-005-6

УДК 8
ББК 84 С(Чув)-5

© Юман А., 2011
© Составление, оформление
Издательский дом «Караван», 2011

*Посвящается
моим родителям
Степаниде Ильиничне
и Федору Леонтьевичу Ермиловым*

ОТ АВТОРА

Эту избранную книгу стихов и поэм я посвящаю светлой памяти моих родителей – Степаниды Ильиничны и Федора Леонтьевича Ермиловых, которые прожили недолгую, но яркую жизнь, разделяя свою судьбу с судьбой малой и Великой Родины – Страны Советов. Их молодость совпала с романтикой переустройства старого уклада жизни на новый, на пути которого встречались неимоверные трудности неизведанного и неразгаданного. Выходцы из крестьян, они достойно продолжали дело просветителя чуваш Ивана Яковлевича Яковлева на ниве просвещения, оставив в сердцах земляков нескольких поколений добрую память о себе.

К сожалению, им не пришлось увидеть плоды своего труда в полной мере, в том числе взрослую жизнь своих детей и внуков. Пусть стихи и образы поэм настоящего сборника будут им данью за бескорыстную жертвенность во имя нашего светлого будущего. И, конечно же, прежде всего перед нашими родителями мы в неоплатном долгу за то, что они подарили нам самое прекрасное на свете – жизнь!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Истоки творчества

Мир изменчив — он текучий, зыбкий,
Зло проснулось — и талант затих:
Там, где глупость, — умолкают скрипки,
Там, где чванство, — умирает стих...
(Перевод Л.Бурдина)

Эти выстраданные строки одного из стихотворений поэта Анатолия Юмана, написанного им в печальные годы застоя, олицетворяют философский характер и откровенную задушевность его самобытной лирики. Мир поэта широк и разнообразен. Он вошел в чувашскую литературу как автор поэмы «Колыбель счастья», поэтического произведения эпического плана, характерный для ведущих национальных представителей этого жанра. В дальнейшем своем творчестве А. Юман развил это сложное и трудное направление поэтики, одновременно создавая традиционные образцы гражданской лирики.

В шестидесятые годы А. Юман пробует свои силы и в классических жанрах, в частности, в сонетах. Пишет он их в стиле Шекспира. До этого разве только в поэзии Я. Ухсая и П. Хузангая мы встречали образцы этого ста-ринного жанра. Пример молодого в ту пору автора стал заразительным. Впоследствии многие чувашские поэты разного поколения стали пробовать свои силы в этом строгом жанре. С тех пор даже такая трудная форма сонетов, как «Венок» вошла в моду, если можно так выразиться, и стал любимым их жанром. Поистине, новое — давно забытое старое? Во всяком случае, для чувашской поэзии событие это — отрадное.

Тем не менее, к сожалению, список изданных книг поэта А. Юмана невелик. Это не вина его, а, скорее всего — беда. Так уж сложилось, многие литераторы старшего поколения порою не по своей вине не могли своевременно выйти к своим читателям. Поэт А. Юман, в какой-то мере, тоже разделил их участь. Были годы, когда запланированные сборники так и не увидели свет. В 1977 году был уничтожен весь тираж готовой продукции, отпечатанного поэтического сборника под названием «Сила человека». Порою рукописи его отвергались машинально, разве только в вежливой форме. Так или иначе, приходилось немало работать «для стола». Об этом теперь тоже стоит говорить.

Все это, естественно, пагубно отразилось на творческой судьбе поэта. Временные неудачи, подвергая к трудным переживаниям, хоть и приносили боль и душевные страдания, но, к счастью, они не озлобили его. Как всегда, он оставался верен однажды и навсегда избранному пути. Это — любовь к родному краю, народу, языку и культуре, а также к вечным жизненным идеалам, за которые всегда и во все времена боролись лучшие представители человечества.

В небольшой поэме А. Юмана «Отчий дом», есть такие строки:

Когда бываю я в родном селе,
Я вижу дом: наличники — в смоле.
И там, где угол был семейный наш,—
Теперь сегодня — шумный школьный класс.
Другое детство тут сейчас живет,
Оно меня совсем не узнает.
Один свидетель прошлого, браток, —
Железный гвоздь, забитый в потолок.
Он — мой хранитель и моя свирель:
На нем качалась, пела колыбель.
Его отец забил давным-давно,
И только приговаривал одно:
«Железный гвоздь, на славу послужи!
И эту зыбку детскую держи!

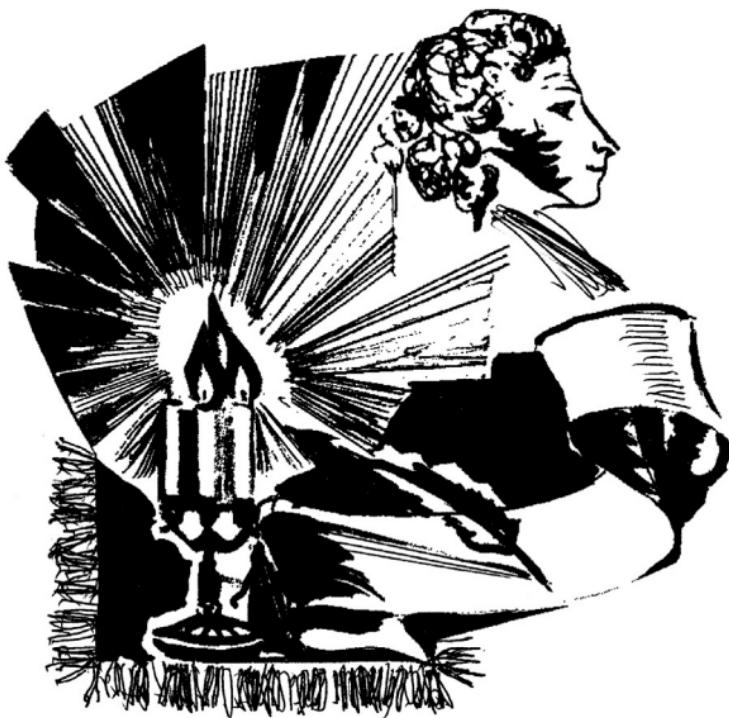
А в ней мой сын любимый подрастает,
 Ты научи его любить народ!»
 Затем в той зыбке подрастал мой брат,
 И гвоздь был делу в нашем доме рад!
 И был надежней самых зорьких нянь,
 Теперь стихи — ему по праву дань!

(Перевод Л. Бурдина)

Хотя будущий поэт в деревне не имел своего отчего дома, здание сельской школы, где начали свою трудовую жизнь родители его, заменило тот заветный уголок, о чем идет речь в поэме. Ибо каждому из нас хочется иметь родную крышу над головой, и это народное достояние, основанное в конце прошлого века великим чувашским просветителем И.Я. Яковлевым, поистине заменило ему отчий дом, что на всю жизнь оставило в душе ребенка неизгладимое впечатление и задолго предопределило эту верность к родным пенатам. Вот где корень этой верности к жизненным правилам и светлым идеалам, который по сей день находит свое отражение в поэзии А. Юмана.

Анатолий Юман (Анатолий Федорович Ермилов) родился 28 октября 1932 года в деревне Средние Алгаши Цильнинского района Ульяновской области в семье учителей. После окончания школы был приглашен на работу в Богдашинскую районную газету корреспондентом, затем работал заместителем главного редактора Ульяновской областной чувашской газеты «Канаш».

Анатолий Юман, член Союза писателей Российской Федерации, автор поэтических сборников на чувашском и русском языках. Его перу принадлежат прекрасные переводы произведений русскоязычных поэтов на чувашский язык. Благодаря его неутомимому труду они стали достоянием больших читательских масс. А.Ф. Юман, заслуженный работник культуры РФ, лауреат литературных премий имени Петра Хузангая, Николая Абрамова, премии Ульяновской журналистской организации имени М.И. Ульяновой.

Стихи разных лет

СТАРАЯ ВЕТЛА

Повеселеет старая ветла,
Как только звезды дальние зажгутся.
В весенний вечер со всего села
Здесь девушки и парни соберутся.

Здесь под гармонь затеют пляс лихой
И погрустят немного под гитару.
А на скамье, под старою ветлой,
Уединится, защебечет пара.

Вся зеленеет старая ветла,
Хоть и стоит, наверное, столетье.
Она когда-то так же вот свела
И тех, чьи нынче подрастают дети.

Моя любовь и до сих пор светла,
Она меня вела и вдохновляла,
Быть может, потому, что мне ветла
Впервые эти чувства нашептала.

Сводила многих старая ветла,
Нашептывая счастье втихомолку.
Но нынче жизнь иная зацвела,
Про счастье вслух запели комсомолки.

И ярче звезд на улицах села
Горят огни, не гаснут и в ненастье.
Всему дивится старая ветла,
И, дремля, песни слушает про счастье.

1954

ВРЕМЯ

Проходит день — в делах ли ратных
Иль в мирных подвигах труда —
В пучину века безвозвратно
Уходят сутки навсегда.

Жестоко время, бурны годы,
Не раз громады гордых скал,
Дворцов старинных стены, своды
Столетний ветер низвергал.

Но чувства радости и боли,
Труд и дерзание умов
Бессмертны, как мечты о воле,
Как время вечное само.

1955

ВСТРЕЧА

Течет родная Волга в даль веков,
Как на морском заливе берег вспенен.
Навстречу волн у самых берегов
Красавец-пароход — «Сергей Есенин».

Девичья песня льется в синеву,
Я поднял взгляд —
И, зачарован, замер...
Сергей Есенин,
Вот ты наяву!
Тебя я вижу новыми глазами.

Пред Пушкиным когда-то ты стоял,
И я стою в молчании суровом...
Стою. Смотрю.
Как будто пьедестал,
Как будто вижу я тебя живого.

Я говорю:
— Есенин, дорогой!
Какая сила в разуме поэта!
Бегут валы над Волгою-рекой
И Волга солнцем ласково согрета.

Течет родная Волга в даль веков,
Как перед бурей волжский берег вспенен.
Навстречу волн меж волжских берегов
В открытый век идет «Сергей Есенин»!

1957

СЕЛО МОЕГО ДЕТСТВА

Ялавр...

Ялавр...

В волненье

Я вспомнил про детства село.

И в памяти зрелой круженье
Меня сюда вновь привело.

И будто в волшебную линзу,
Склонившись как сын пред тобой,
Сквозь времени сумрак я вижу,
Опять молодея душой.

Далекие-близкие годы...
Вот мама, заботой полна,
И бабушка песню заводит
Под музыку веретена.

Они в деревянном домишке,
В нем пахнущий хлебом уют.
А к бабке приникший мальчишка...
То я ведь!.. Себя узнаю...

Мечтает мальчишка порою —
С ним звезды в ночи говорят.
Машина ль пройдет под горою —
Земные дороги манят.

Струятся веселые воды
По камушкам у родника,
Читает он книгу природы,
Хоть книг не читает пока.

А речка, как Волга, как море,
И щепка на ней — пароход.
Прекрасны родные просторы,
И в мире немало щедрот!

Идиллия детства — Ялавр! —
Свидетелем будь, седина!
Но год сорок первый, как траур,
Стал черною вехой. Война!

Село содрогнулось от бедствий,
Трудились в нем даже кто мал.
И быстро окончилось детство,
И мир по-иному предстал.

... Ялавр!
Такое селенье,
Наверно, у каждого есть.
И памяти зреющей круженье
Не может туда не привесть.
1958

ЯЗЫКОВО

Сюда приехал я впервые,
Меня влекли издалека
Озер равнинны голубые,
Где отражаются седые
В косматых гривах облака.

А рядом привлекают взоры
Здесь в складках меловые горы,
Они над гладью вод нависли,
Как будто бы в морщинах лбы
У старцев погрузились в мысли
О тайнах жизни и судьбы.

Здесь слышит парк зеленокудрый
И видит поле даль времен.
Дыханием природой мудрой
Любой приезжий здесь пленен.

Бессмертный, как сама природа,
Здесь гений Пушкина живет.
Под вечной синью небосвода
Ведя столетиям отсчет...

Вот ель... Посажена когда-то
Им, по преданию, она,
Как пика ввысь устремлена,
А ветви, как его крылатка.

И всходит зелень пышным цветом,
Но не забвения трава —
Нерукотворным монументом
Здесь слава Пушкина жива.

Скосила времени коса
Далеких дней примет немало.
Иной Россия ныне стала,
Звучат иные голоса.

Увы! Не пощадило время
Тот дом, что посетил поэт.
Но видит молодое племя
Былое через толщу лет.

Все новые приходят люди
Под сени сосен и ракит.
Лишь солнце в золотой полуде,
Как в годы давние блестит.
Рябит вода в озерной глади
Строчками пушкинской тетради.

Людская память не умрет,
Переходя из рода в род.
Июнь. Благоухает лето.
И светлый праздник День Поэта
Нам вдохновение несет.

1975

Кто не вяз в песках,
 тот не пил воды.

Кто коры не грыз —
 хлебом нудится.

Кто рыдать горазд —
 не видал беды.

Не знал роздыху,
 кто не трудится.

Домоседа в путь
 манит белый свет.

Побродяга душой
 к дому тянется.

Кто слыхал — забыл,
 потерялся след.

А что понял сам —
 все останется.

Звук пустой — огонь —
 не ожег пока.

«Не играй с огнем» —
 слово верное.

Доигрался дурак,
 подпустил петуха...

Может мир спалить
 спичка серная.

Пусть присловью век —
а не все старо:
Хоть слепца бери
ты в товарищи, —
А с глупцом держи ухо,
брат, востро,
Чтобы слез не лить
на пожарище.

1975

АПРЕЛЬ

В поле снегу не увидишь,
Но ручей еще бежит.
А в овраг к ложбине выйдешь —
Снег нетронутый лежит.

Поле в траур разоделось,
Сожалеет о весне...
Пробудилось, разогрелось,
Разморилось, как во сне...

Пахарь в поле до заката
Ком земли рукою мнет:
Знает, сеять рановато,
Торопливо срока ждет.

Сердце счастьем замирает,
Сам от радости поет.
Но природа время знает,
Подожди — оно придет!

Солнце яркое закрылось,
Словно девушка, платком...
Все же поле прояснилось,
Освежилось ветерком.

Нитки солнца натянулись
Между тучей и землей.

Ветви вербы встрепенулись,
Умываются росой.

Скоро гром весенний грянет,
Хлынет ливнем над рекой.
Солнце щедро вверх потянет
Всходы теплою рукой.

1972

10 (22) АПРЕЛЯ 1870 ГОДА

Не был забыт и не растаял
В теченье времени тот день,
И мир как будто бы поставил
К прозрению новую ступень.

Он до подробностей известен:
Была над Волгой даль светла,
День был началом добрых песен,
Начало света и тепла.

А Волга, сбрасывая латы,
Не знала плена и преград,
И в громовых его раскатах
Свободы слышался раскат.

И мир как будто обновлялся,
Сверкало солнце над рекой,
И день, когда Ильич родился,
Остался в памяти людской!

1970

КОНСТАНТИНУ ИВАНОВУ

Ты соловьем запел в неволе,
Приветствуя грядущий день.
И в этих песнях столько боли
Чувашских старых деревень!

Но день настанет долгожданный,
Растает над Сурою лед.
Не будет больше бесталанным
Судьбой обиженный народ!

И страх, и бедность канут в вечность,
И будет воля на Руси,
Мир обретает человечность,
Живут Сетнеры и Нарспи!

Мертва поэзия в неволе,
Когда весны и солнца нет.
Но ты дожил до светлой доли,
Любимый внуками, поэт!

Узнали разные народы
Твой молодой и звучный стих,
Тебя с собой уносят годы:
Ведь ты всегда живой для них!
1960

СЛЕЗА ПОЭТА (1908)

Тают трепетные свечи,
Но в окне не гаснет свет.
Хочет мысли в поздний вечер
До конца излить поэт.

Стал в минуты эти шире
Вдохновения полет.
Все доступно в этом мире,
Сильби смерть переживет:

«Сильбияне и поныне,
Если зной стоит с жарой,
Поливают дерн в долине
Над могилою сырой...»

Все! Конец! Свершилось, Боже!
Очень жаль тебя, Нарспи.
И Сетнера жалко тоже...
Все! — грусти иль не грусти.

Не сумел сберечь любимых
Ты, но создана «Нарспи»!
Чудо трели соловьиной
До народа донеси!

Ведь ему порой так трудно...
Пусть он бедный, но он наш.
Честный, верный, многолюдный,
Счастье высветит чуваш.

И сцепив устало руки,
Уронил слезу поэт
Над поэмой в час разлуки.
В добрый путь! Да будет свет!

Жил с героями он долго,
С ними спал и днем вставал, —
Ведь поэзия — как Волга,
Если душу ей отдал.

1990

С УТРА ТОРОПИМСЯ МЫ В ПОЛЕ

С утра торопимся мы в поле,
А поле наше — широко.
Легко нам дышится на воле —
Шагаем дружно и легко.

В селе любое из оконцев
С рассветом, с раннего утра
К нам заглянуло братец-солнце:
Вставай, мол, труженик, пора!

Мы на луга идем — покосы
Нас ждут. Простор — из края в край!

Еще вчера звенели косы,
А нынче — сено подбирай.

Идем в поля — хлеба валками
Лежат и ждут, — опять же нас.
Своими их взрастив руками,
Их сами уберем сейчас.

А день!.. А день такой прекрасный!
И полог неба голубой...
Летает голубь в небе ясном...
Шагаем в поле мы гурьбой.

Плечом к плечу, друзья, шагаем
В бескрайность нив, в простор полей,
Трудом своим помочь желаем
Любимой Родине своей.

А там, где дружная работа,
Приятен и велик успех.
Ведь наша общая забота:
Хлеб для отчизны — дар для всех...

С утра торопимся мы в поле,
К труду привычны, как всегда.
Легко нам дышится на воле:
Мы люди мира и труда.

1970

ДЕДОВЫ СОВЕТЫ

Помню я соседа-деда,
Детство светлое мое.
Помню долгие беседы
Про свое житье-бытье.

Говорил он: «Да, ученье
Для людей, конечно, — свет.
Но получат назначенье
После вуза — и привет!

А в селе кормильца надо,
Без хозяина земля.
Все мотаются по свету,
Только легкий труд любя!

Вот остался бы на месте, —
Был бы пахарь на земле.
И жених был бы невесте,
И достаток на селе!»

«Что ты мелишь там, ей-богу! —
Деду в пику свысока, —
Сын-то мой остался чтобы
Здесь? Нашел ты дурака!

Будет парень дипломатом,
Инженером иль врачом.
Помогать ему мы рады,
Мы-то знаем, что почем!

Пусть расправят крылья дети.
Землю что ли им пахать?
Много дел других на свете,
Ты же должен это знать».

Годы шли... Односельчане
Стали старыми давно.
Дети — в городе, а сами
Все с тоской глядят в окно.

Одиночество и хвори
На исходе долгих лет...
Деда нет на свете боле,
Только прав был скромный дед.
1970

Анатолий Юман

ПРОРЫВ В БЕССМЕРТИЕ

ПОДВИГ ГАГАРИНА

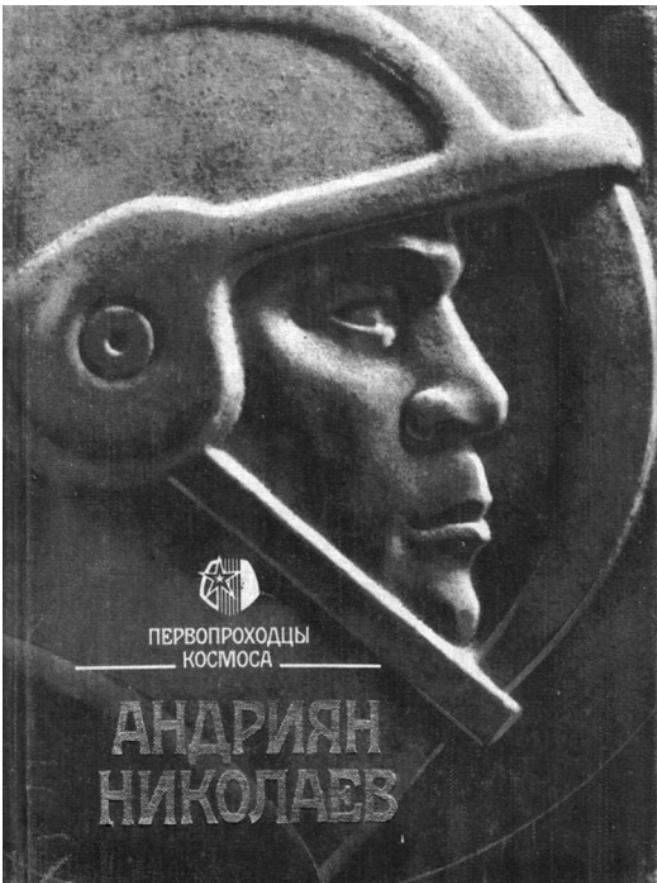
Гагарин – вот кто заслужил навечно
Бессмертие из всех из нас, живых.
Живой водой пока людей не лечат,
Но имя воспевают песня, стих.

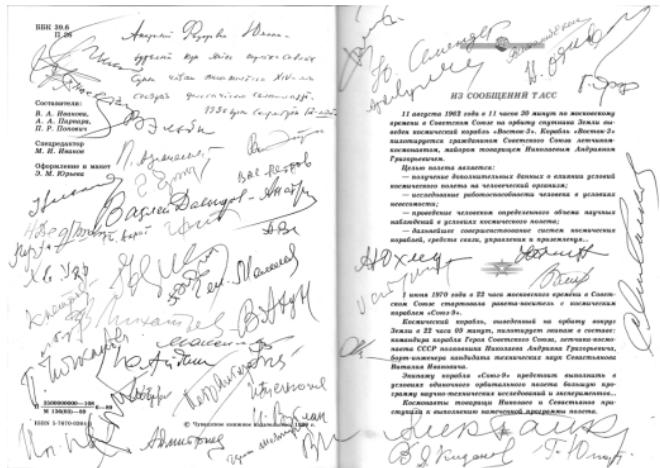
В людских сердцах по-прежнему живой –
И светлый ум, и добрая улыбка, –
Живет он с нами вечно молодой
В подлунном мире неспокойном, зыбком.

Приятно признаваться в этом нам:
Теперь и времени он не подвластен,
Что соколом летит к неведомым мирам,
Свершая подвиг свой, и он прекрасен.

Еще тому и горд, и рад я:
Юман с Гагариным по времени и духу
братья.

Анатолий Юман

АВТОГРАФ КОСМОНАВТА

*Летчику-космонавту СССР,
дважды Герою Советского Союза
А.Г. Николаеву*

Была страда...
 И, щедрость не растратив,
 Стоял богатый август во дворе.
 И день, похожий на своих собратьев,
 Уже опять плескался на заре.

А я поднялся на работу рано:
 Затосковали руки по косьбе,
 Но вдруг раздался голос Левитана,
 И тихо стало у меня в избе.

Постой, постой!

Так что я это слышу?!

И вмиг прошел душевный ералаш:

Наш Николаев на орбиту вышел,

Отважный парень, мой земляк, чуваш!

Смы вало солнце росный дым со стекол,

И рос в низине из валков зарод...

И я услышал утром слово — «Сокол»,

Родного сына так назвал народ!

И счастьем сразу душу затопило,

И мне казалось: видела Земля,

Как в глубине небесной гордо плыло

Титановое тело корабля.

Он крылья широко свои расправил,

Не растопил их поднебесный жар,

И в космосе автограф свой оставил

Не сказочный, а истинный Икар!

Бесстрашен дерзкий разум человека,

Он в колыбели долго не живет!

И кто-то завтра, на вершине века,

Уйдет в межзвездный длительный полет!

Плы вут над нами дальние планеты

Навстречу галактическим ветрам,

И будет длиться вечно эстафета

Отважных — к неразгаданным мирам!

Один взлетел,
другой уходит следом, —
Романтика и трудная борьба!
И в орбитальном почерке победном,
В нем и моя — великая судьба!

Над Байконуром нарастают звуки,
И, огибая синий шар земной,
Икар, твои космические внуки
Уходят снова в рейс очередной!

Опять стартует новая ракета,
И вот на небе — новая звезда.
А твой автограф, что я видел летом,
В истории остался навсегда!

1962

... И мысль придет,
Лишь я глаза прикрою:
В наш век полет —
Привычен стал и прост.
Наверно, оттого и кажется порою,
Что в космосе лечу я
Между звезд.

1979

ДОРОГИ

Дороги идут из глубинки
Безоблачных детских годов.
И всюду в начале — тропинки,
Что выются от сел, городов.

Большак — за околицей рядом,
Пылит за последним стожком,
И лошади даже не надо,
Захочешь — дойдешь и пешком.

Да, я исходил вас немало —
Степные проселки, луга.
Когда и метель бушевала,
И озимь скрывали снега.

И ливнем свирепым хлестало,
И ветер следы заметал...
Порою извозчик бывалый
В дороге меня подбирал.

Поедем... И вспомним, как друга,
Того, кто в степи замерзал,
И та же ямщицкая вьюга
Швырнет нам снежинки в глаза...

И после, в сумятице странствий,
Нигде не спрятывал я маршрут.
...Сближая любые пространства,
Машины на трассах ревут.

Они меня мчат по планете,
Но, память о прошлом храня,
Беру я в попутчики ветер,
А песня — в груди у меня.

И снова — дороги круженье,
Так много нам надо пройти!
И все мирозданье в движенье,
И мир оживает в пути.

1979

ЗЕМЛЯ

Что наша древняя Земля?
Она лишь точка во Вселенной.
Летит, вращаясь и пыля,
Своей орбитой неизменной.

Она громадна лишь вблизи,
Но так мала из дальней дали.
И мрак, и холод ей грозит,
А людям – беды и печали.

Земля! Светя голубизной,
Минуешь сгустки ты и дыры,
И неразлучны мы с тобой –
Земные люди, пассажиры...

Одна ль такая средь миров,
Иль есть подобные планеты?
Но звездный молчалив покров,
И космос не дает ответа.

И нам не суждено познать
Загадку, данную от века:
Ужели на Земле летать
Подвластно только человеку?

И суждено лишь раз прожить,
Пройти все бури и дороги
И полной мерою вкусить
Земные беды и тревоги?

Она тогда – броня и щит,
Коль жить в бездействии не сможешь.
Тебя планета защитит,
Лишь если сам ты ей поможешь.

И, видно, я живу не зря
И, знать, тревожусь не напрасно,
С открытым сердцем говоря:
– Лети, Земля, и будь прекрасна!

1992

МИШИ СЕСПЕЛЮ

Ты первым воспел ниву Нового Дня,
Народу чувашскому верность храня.

Но злобная нечисть на гребне невзгод
Хотела унизить твой добрый народ.

И был ты в прозренье и горд, и велик:
Ты знал, что не сгинет чувашский язык!

Ты верил в народную душу, поэт,
Хоть ранило жало жестоких невежд!

И недругам дал ты могучий отпор:
Язык обретал высоту и простор.

Поэт, твой язык не умолк, не заах,
Стихи и поныне твои на устах!

И тверже металла, нежнее струны,
Горячие строки Сеспеля слышны!

Ты — равный в созвездье языков других,
Язык моих прапрадедов, дедов седых!

1972

Родной язык! Мы часто вспоминаем
Тебя сегодня. Это неспроста:
Твою мы силу молодую знаем,
Тобой озарена моя мечта!

Я знаю, было прошлое непросто,
В родном краю в забвении ты жил.
Душа моя покрылась бы коростой,
Когда б родной язык я позабыл!

Как воздух, ты народу свят и нужен,
Когда его чиновник унижал,
Ты был для нас опорой и оружием,
Достоинство ты наше уважал.

И алфавит — как будто бы одежда
Для языка — был Яковлевым сшит,
А Иванов, вселяя в нас надежду,
Его растил. И он теперь звучит!

Моя опора в годы испытаний,
Тебя восславил праведный Сеспель.
Ты — наша мудрость, кладезь наших знаний,
Моей судьбы развилистый апрель!

1972

ДРУГУ-ЖУРНАЛИСТУ

Худая весть брела, как горький юмор,
И век ракет резвится на коне.

— Вы знаете?..

Жмырев-то Саша умер, —
Вдруг, спохватясь, сказал приятель мне.

Я друг его!

Работали мы вместе...

И много лет он вместе с нами жил.

А у него своя семья и дети.

Ах, Саша, Саша, что ж ты поспешил?..

Ведь над тобой светилось ярко небо,

Ты видел много огненных дорог.

Став жертвою случайности нелепой,

В дни мирные себя ты не сберег.

Ты смелость проявлял в бою, не в драке.

Тебе б на речку, в свежую струю!

А ты был офицер, ходил в атаки,

На фронте прожил молодость свою...

Ну, а когда настали дни иные,

Ты был другою силою влеком.

Ты выдавал нам строки боевые,

Ты жизнь газете отдал целиком.

...Земля в слезах!
В сырой росе Россия!
Она скорбит...
Я рядом с ней стою...
Но живы мы —
Газетчики простые.
Мы будем славить Родину свою.

1972

Человек умеет все на свете:
Проложить по зорьке борозду.
В небесах промчаться на рассвете,
Соловья услышать за версту.

Работы людей никоим разом
Не заменят, хоть и хороши...
Оттого, что не живет в них разум,
Оттого, что нет у них души.

1979

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Посмотри — уж осень во дворе,
Закружились птицы шумной стаей.
Появился иней на заре,
И ледок подолгу не растает.

Листья пожелтевшие летят
В сторону, куда несет их ветер,
И внезапно опустевший сад
Непривычно благостен и светел.

Значит: снова кончились труды
У деревьев, что с тяжелых веток,
Добрым людям отдали плоды,
Словно горячо любимых деток.

И, как будто ближе ставши нам,
Все грустят, морозов поджиная...
Дождь холодный хлещет по ветвям,
Как слезами землю осыпая.

Не печалься, яблонька моя,
Не тоскуй, кормилица родная!
Прилетит тепло в твои края,
Ты поверь, я это точно знаю.

Дружно грянет новая весна,
Зазвенит капель в грачином гаме.
Ты опять воспрянешь ото сна,
Радостно покроешься цветами...

Уже не осень, но и не зима...
Последних желтых листьев кутерьма.

А осень в этот раз была щедра
И не жалела для людей добра.

Вовсю сорила золотом она —
Но вскоре оказалось им бедна.

Едва ль от пышных крон осталась третья,
И сыплется не золото, а медь...

Последний ворох листьев улетит,
Холодный дождь по ним зашелестит...

Уже давно, не грея, не пыля,
Становится тяжелою земля.

Набухла почва, вязкая, как клей,
В ней ноги утопают все сильней.

К себе все крепче тянет каждый час,
Как бы на прочность проверяя нас.

Но нелегко обходится в селе
Уменье по такой ступать земле.

Давно солома сметена в стога —
Она сейчас особо дорога.

Но ты ее попробуй привези,
Когда ступицы плавают в грязи.

Шуруй лопатой, иль толкай плечом —
Все этой прорве нынче нипочем.

Едва плетется трактор, неуклюж,
Лишь ребятишки возятся у луж.

Пасут озябших маленьких утят
И снег увидеть первыми хотят...

1989

ЧЕРНАЯ ЗИМА

...Снег выпал только в январе.

А.С. Пушкин

Черные дороги, улицы в грязи —
Осень чернотою вряд ли поразит.
Черная окрестность, черные дома...
Странно и подумать — черная зима.
Черная впервые — отняла покой.
Не видал я прежде черноты такой.

Вовремя спустился к людям Новый год,
Но не в белой шубе — а наоборот.
В черных рукавицах, посохом пыля,
Дед Мороз приходит — черная земля.
Ветер хлыщет пылью, словно дробью влет,
Боль наполнит сердце, душу обовьет.
Зимний холод, стужа, иней по утрам.
Только снегу нету — в поле, по дворам.
Ледяной, колючий — он душе милей,
Чем угрюмый ветер с дремлющих полей.
Что чертополоху? Выживет, поди!
За родную озимь боязно в груди.
Будущие зерна, яблони плоды —
Им всегда труднее от любой беды.
И, когда не в силах человек помочь,
Он за них в тревоге будет день и ночь.
Что ж ты не приходишь, снежная зима —
Или оскудели неба закрома?
Или тучи сбились с верного пути —
И на нас не могут снегом изойти?
Все равно я верю: грянет снегопад,
Дед Мороз наденет белый свой наряд.
И пройдет над степью с лаской и добром,
Одаряя нивы белым серебром.
...А пока все та же странная зима —
Пыль швыряет ветер в черные дома...

1980

СОЛНЕЧНЫЙ ЛИК

*Сельской учительнице Ольге
Васильевне Шубиной (Нагорновой)*

В сентябрьский день войны незваной
Пришла учебная пора.
С набитой сумкой домотканой
Спешила в школу детвора.

Я помню до сих пор, как диво,
Как перед нами вдруг возник
Так удивительно красивый
Учительницы новый лик.

И даже в час войны суровой,
Среди печали и разлук
Вначале поселилось слово,
Чтоб светлый в нас посеять дух.

И не было тех лет чудесней
Среди неласковой земли,
Где новые звучали песни,
А мы мужали и росли.

Законы бытия суровы,
Равны для всех до одного...
Но память возвращает снова
Нас в пору детства своего.

Не все обласканы фортуной,
С годами прирастает бед,
Но лик учительницы юной
Нам светит с тех далеких лет...

1999

ОЗАРЕНИЕ

Себе я долго был не в сиle
Ответить на вопрос такой:
Когда в мятущейся России
Порядок будет и покой?..

Но простотою удивляя,
Пришло прозрение в строку:
Когда в наполненном трамвае
Уступят место старику.

1994

ТА ПЕРВАЯ ЗИМА

Я о зиме военной первой
Святую память берегу...
Пусть нам пришлось несладко, верно, –
Не легче было и врагу.

Но от мальчишек все же были
Сперва лишенья далеки.
На санках с горки мы скользили,
Мелькали лыжи и коньки.

Домой приходишь только к ночи,
Извалянный, как снежный ком,
Где мамы голос озабочен,
Где пахнет теплым молоком.

А на столе еда дымилась –
Жаркое, щи и хлеб ржаной.
Еще судьба являла милость,
Еще все было той порой...

Но битвы тоненькие нити
И к нашим тянутся сердцам:
Вот пишет с фронта дядя Митя,
Сосед наш давний, друг отца.

И мать с тревогою читает:
«Стоим в окопах под Москвой,
Снега нас густо заметают,
Морозы, ветры, выюги вой.

Уже был ранен и контужен,
И смерти заглянул в лицо,
Но снова штык мой фронту нужен,
И снова я среди бойцов.

А фриц – не тот. Он зол и жалок,
Уже не брезгует тряпьем:
То бабий носит полушалок,
То ватник старенький на нем.

Сегодня им не до порядка.
Как говорится, дело – швах!
Бегут, канальи, без оглядки,
Бросая технику в снегах.

Помог, конечно, в ратном деле
Российский «генерал Мороз»,
Но мы и сами не робели,
Учились воевать всерьез...»

Вот мать дочитывает строки
И одевается – пора:
Колхозных дел торопят сроки,
Стоят подводы у двора.

И люди, у остывшей пашни
Взял поздний, но бесценный дар,
Полны желанием всегдашним
Зерном наполнить свой амбар.

Деревне что? Снаряд не рушил,
Осколки не вились над ней,
И долго грели наши души
Воспоминанья мирных дней.

Мы думали — вот сгинут беды,
Отцы вернутся в мирный дом...
Но не спешила к нам Победа
Ни в эту пору, ни потом.

Потом труднее было, хуже,
Война пришла во все дома...
Но все-таки запала в душу
Мне эта первая зима:

Сугробы, ледяные груды,
Заботы общие в селе,
И мать, больная от простуды,
Краюху делит на столе...

1994

Нас мать одна в суровый час растила,
Была для всех нелегкая пора...
Но что-то и хорошее в ней было,
Хватало нам и ласки, и добра.

Быть может, не ценили полной мерой
Мы радости скучные этих лет,
Но в детских душах оставалась вера
Все, что будет горестям восторгом.

Был светел небосвод и воздух звонок,
Летели наши песни в вышину.
И я резвился, как в траве ягненок,
Приветствующий первую весну.

Восторг тех лет еще в душе хранится,
Когда от жизни жадно все хватал,
И так жалел мальчишек за границей,
В чьих странах правил хищный капитал...

Теперь о внуках думаю в тревоге,
Заботы прибавляют седины:
Куда, куда их приведут дороги
Наивной и мяущейся страны?

1994

Как все вокруг, наверное, я жил –
Стране своей и времени служил.

Но редко удавалось и в тиши
Творить, забыв про время, для души.

А думы, ускользая из горсти,
Травой забвенья могут прорости.

Но я, порой скрывая жар в груди,
Все думал — будет время впереди.

Наступит к сроку старость, буду дед –
На пенсии достойной, сыт, одет.

И сладко вспоминая о былом,
Расположусь за письменным столом.

Тогда оставлю в этой жизни след,
И главные стихи увидят свет...

Несспешно продолжался путь земной,
А старость – вот она, передо мной.

И не одна пришла в мой тихий дом,
А с неспокойным временем вдвоем.

◆
К чему же этот запоздалый взлет
И над стихами пролитый мой пот?

И нужен ли поэта гордый труд,
Когда кругом бесчинствует и врут?

Где счастье жизни, за какой горой?
И выхода не вижу я порой...

1994

АЙГИ

Мы начинали вместе, хоть моложе
Меня ты был,
но звучный голос твой
Звенел и в селах, и в Симбирске тоже –
Звучал и звал волшебною трубой.

Я годы те нередко вспоминаю –
Когда очаг поэзии не гас.
Мы встретили с тобою Хузангая,
Маэстро тоже заприметил нас.

Поэтам в мире жить всегда труднее,
В отборе слов заветных, дорогих...
Я их искал то в ямбах, то в хореях,
А ты верлибром обновлял наш стих.

Да, жизнь трудна,
и нам слова протеста
Порой приходят, возмущая ум, –
Но нет в душе
для злого духа места,
Нет уголка в ней для тяжелых дум.

Твои призывы смело тут звучали,
Хоть их порой вменяли нам в грехи,
И становились жертвами опалы
И мы, и ваши новые стихи...

Теперь у нас поэтов разных много,
Они, быть может, ярче и умней,
Но нашей трудной юности дорога
Мне до сих пор дороже и ценней.

Тогда мы брали все свое по праву,
Струной звенела каждая строка...
Тогда для нас была важнее слава,
Теперь — судьба родного языка.

1994

ХРАНИТЕ ДРУЖБУ, ЛЮДИ!

Друзей, как грибы, не находят.
Они в молодые годы,
Бывает, случайно приходят,
Чтоб нас не терять никогда.

Один просто рос где-то рядом,
Другой же — нежданно возник,
Чтоб дружеским словом и взглядом
Души твоей полнить родник.

«...Имей сто друзей» — это верно
Нам сказано с давних годин.
Помогут они, если скверно, —
А в рай ты войдешь и один.

...Кружатся осенние листья,
Стареют, уходят друзья,
Но мудрость испытанных истин
Все более чувствую я.

Стучатся лихие невзгоды,
Слабеет надежная нить —
Но дружбу и в трудные годы
Я вас призываю хранить.

1994

Ах, какой чудесный
сон приснился мне:
Все могу я делать
в этом дивном сне.
Весело гуляю,
радостно живу
И лечу на крыльях,
словно наяву.
Ласковое небо,
свет над головой.
Вот тебя я вижу,
слышу голос твой.
И тебе такое
я сказать хотел...
Только вдруг проснулся...
жалко, не успел...

1994

НОВОМУ ПОКОЛЕНИЮ

Новый род, юный род,
Где потомки мои,
Можешь нас упрекать,
Только зла не тай.
За ошибки — прости,
Не ворчи, что грешил,
Тебе дальше нести
То, что я не совершил.

Новый род, юный род,
Все тебе разрешу.
Быть отважней велю,
Быть мудрее прошу.
Выше нас поднимись,
Вникни в самую суть,
Только жить не ленись,
Только лучше нас будь!

Новый род, юный род,
Твоя песня звенит,
И чувашский напев
Уплывает в зенит.
Стариков замени
И в труде, и в борьбе.
Я надежды свои
Завещаю тебе.
1994

Веру в счастье
и в истину веру
Призывал я хранить молодым.
И теперь эта строгая мера
Есть во мне,
хоть уходят, как дым,
Мои годы, и стал я седым —
Но все живы дурные примеры.

Я такого редактора помню,
Кто встречал мою Правду в штыки:
— Вред стихов твоих сразу я понял.
От народа они далеки,
Все хорошее стало греховным
И плохим с твоей легкой руки...

Годы шли.
Нет былого Союза.
Силы Зла поселились в стране.
Сник народ, а поэзии муза,
Что, как прежде, является мне,
Стала тем надоевшей обузой.
Кто обманом —
а все ж на коне.

Где сегодня редактор тот строгий?
Знаю, теплое место нашел,

Проторил даже к власти дороги,
Все вчерашнее чистит убогим,
Все, что ныне —
ему хорошо.

Только верю в народ свой усталый,
Пусть его так доверчива суть.
Лжи и кривды расступятся скалы,
Опадет лицемерная муть,
И слашавых сиренок вокалы
Не смутият предназначенный путь!

2000

Уход отца потряс моих домашних,
Могильный холод вдруг отбросил тень.
От горьких мыслей

и раздумий страшных
Чернее ночи нам казался день.

Но горе не приходит в одиночку,
Другие беды ждали под окном.
Едва минули траурные ночи —
Опять семья забылась крепким сном.

А утром — у соседей разговоры:
Ворота — настежь и чулан пустой...
Как ночью к нам смогли забраться воры
В тот страшный давний год —
тридцать седьмой?

Мать шорохи какие-то слыхала —
Потом в стихах писал об этом я.
Тащили все —
и все им было мало —
Что нажила в трудах моя семья.

Потом собака, милиционеры,
Искalo вора чуть не все село...
Но не было тогда в поимку веры,
Да и сейчас, хоть столько лет прошло.

А вор поныне ходит по России.
И также он опять неуловим.
Другой вопрос —

теперь какие силы
Не могут (не хотят?) сразиться с ним?..
2000

В.В. АФАНАСЬЕВУ

Времени теченье... Наши годы
Все плывут, плывут как облака...
Так уж установлено Природой —
Их обратно не вернуть никак.

Каждый год своей особой датой
Остается в памяти людей:
Помним мы, пусть даже редковато
Выпадет кому-то юбилей.

Будто бы недавно отмечали
Юбилей полустолетний твой.
Годы шли... А мы не замечали,
Что с тобою старимся, друг мой.

Но твое стремление осталось
На Земле оставить добрый след,
И для нас нежданно оказалось,
Что тебе уж — семь десятков лет.

Но тебе, довольно пожилому,
Этот возраст вовсе не предел,
И под стать любому молодому
Завершить еще немало дел.

Пусть поют: «Года — мое богатство»,
Я с певцами не согласен тут —
Лишь дела, что будут вспоминаться,
Ценность человеку придают.

Ты же по любым вопросам смело
Выступал всегда за свой народ
И святое — Яковлева — дело
Ты продвинул далеко вперед.

Что бы нам судьба не диктовала,
Умирать мы вовсе не спешим.
В жизни совершили мы немало
И еще немало совершим.

2000

СОНЕТЫ

M.Y.

Как назову тебя? Милой? Родной?
Солнышком ясным иль утренней зорькой?
Вижу тебя и живу лишь тобой
Даже в разлуке, печальной и горькой.

Вместе мы путь до конца не прошли,
Не одолели судьбы повороты...
Буйные ветры нещадно мели
И омрачали мне радость полета.

Сеять добро я стремился в стихах,
Льются и ныне душевные строки.
Те же, что не сочинил впопыхах,
Знать, упустили заветные строки.

Пусть с опозданием долг им воздам,
Верю — меня ты услышишь и там...

Не в одиночку приходит беда —
Истину эту не раз я изведал.
Только на то, что минуют и беды,
Тоже надеялся в жизни всегда.

Веру в хорошее свято берег,
Как бы стихия беды не качала,
Зная — в любви и концы, и начала
Наших счастливых и трудных дорог.

Правда, и самый прекрасный удел
Тоже не в радость, коль мы одиноки.
Только в тебе находил я истоки
И безмятежных, и тягостных дел.

Если и грусть приносила любовь,
Солнцем она озаряет нас вновь...

Пришла беда в семейный мой очаг,
Нагрянула сюда, подобно смерчу...
И тяжелее каждый в гору шаг,
И тяжесть все сильнее давит плечи.

Я самые простейшие дела
Уже почти не в силах с места сдвинуть,
И кровь, что горячо вчера текла,
Зловеще начинает в жилах стынуть.

Так взад-вперед по комнатам брожу,
Страдаю одиноко и угрюмо...
Кому я слово теплое скажу?
Кому открою тягостные думы?

Один во мгле луч света. Это ты,
И в сны уходят все мои мечты.

В мечтах была подобна ты Лауре,
Звездой сияла, словно Шаганэ,
Но до конца сквозь жизненные бури
Пройти с тобою не светило мне.

Я продолжаю говорить с тобою
И через эту тягостную даль,
Хоть снова ночи лишены покоя,
Неся неутоленную печаль.

Идут воспоминания волнами
О жизни не окончившейся той,
И снова ты встаешь перед глазами
С нетленною своею красотой.

Опять ты — этой жизни естество,
И больше мне не надо ничего!

Заря уже позолотила крыши,
И с тихим ветром шепчется ветла...
Вдруг голубя подстреленного вижу,
Беспомощно сложившего крыла.

Томит его желание одно:
Опять увидеть солнечные дали —
Но, кажется, те крылья отлетали,
И ввысь ему подняться не дано.

...И давние стихи мои в конверте,
Что слал тебе я в классе, вспомнил вдруг.
Сгубило их тогда, подобно смерти,
Прикосновенье любопытных рук.

И с грустью ощущаю всякий час:
Беда везде подстерегает нас.

*Даже если меня позабудешь,
Не забуду тебя никогда.*
(Из чувашской народной песни)

Земля засохла без дождей осенних,
Лежит в глубоких трещинах скорбя...
И жизненная нить под желтой сенью,
Увы, уже слабеет, друг мой, без тебя.

Кто грусть мою тихонько успокоит?
Кто принесет надежду сердцу дар,
Которое так безутешно ноет,
Храня в груди негаснущий пожар?

В каких мирах живешь, и кто там рядом,
Кого ты видишь, говоришь ты с кем,
И вспомнишь добрым словом или взглядом,
Или забыла о моей тоске?

Но сердце перед миром обнажив,
Тебя я помню — потому и жив.

Твоя улыбка, как у Моны Лизы,
Таинственной загадкою полна...
Хотел бы знать — и впрямь она нежна,
А может быть, предвестница каприза?

Простое чудо вижу на Земле
С живыми и прекрасными глазами,
И в карточку на письменном столе
Я вглядываюсь долгими часами.

В твоих глазах — покой и глубина,
Их аура мне проникает в душу,
И счастьем наполняют жизнь до дна,
Что никакие бури не разрушат.

Я оживаю на глазах твоих,
И целые миры я вижу в них.

Своей любви — и первой, и последней
Ловлю всем сердцем предвечерний свет...
Но вместе нам не быть на склоне лет,
Давая выход страсти многолетней.

Я шел по жизни, многое тая,
Зло и добро вкушая полной мерой,
Но как бы ни текла судьба моя —
Я быть старался искренним и верным.

О, первая!.. Последняя любовь,
Пускай не сможем быть всегда мы рядом,
Достаточно лишь слова или взгляда,
Чтоб давним чувствам проявиться вновь.

Прости мои наивные мечты,
В которых снова ты и только ты!
2002

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Своему народу буду нужен,
Если не сегодня, то — потом», —
Так подумал юный Улып. Позже
Навсегда оставил в Кошках дом.

Своего Олимпа он в Симбирске
Смог найти и смело шел вперед.
Путь лежал неведомый, не близкий,
Мир чувашский ждал его приход.

Житие земное стало свято,
Завершилось далеко в Москве.
Но вернулся старец, как когда-то,
Снова к Волге, к другу, в тихий сквер.

Эту встречу ждали мы недаром
Долго, наконец-то, дождались.
Кто сказал, что мы, чуваши, даром
Верными ему быть поклялись?

Вот он смотрит, Улып, долго-долго
В голубую даль, в весенний пир.
Впереди — течет родная Волга,
И зовет чувашский новый мир.

2006, 4 октября

Есть разных два таланта –
Добрый или злой талант.
Добрый щедр на награду,
Злой талант – скорей педант.

Как Христос, в тяжелых муках
Я познал их в жизни сам.
Что Добро дается в муках,
А у Зла все шишки – нам.
2011

Нет людей на свете и не будет
Белых и пушистых лишь мастей.
Если были, есть такие люди, –
То единственный он Бог, ей-ей!

Потому других вы не спешите
В чем-то заподозрить, обвинить,
Прежде на себя чуть оглянитесь,
И тогда всем легче будет жить.

К сожалению, для себя открыл я
Эту правду лишь под старость лет.
Когда опустились мои крылья,
Оправдать грехи уж мочи нет.
2011

СЕСТРЕ РАИСЕ

И у тебя наступил юбилей, —
Поверить даже трудно, ей-же-ей!

По-прежнему румяна и бела,
Как в юности, стройна и весела.

Красавица и ликом, и душой,
Хоть за плечами трудный путь большой.

По-прежнему легка ты на подъем, —
Не одолеть другому и вдвоем.

Родным и близким тут и там нужна,
Со всеми обаятельна, нежна.

Любимая родителями дочь —
Всегда готова и чужим помочь.

Пока ты рядом с нами — всем селом
Мы в этой жизни дружно проживем.

2003, 3 июля

Сокровенное

ТĀВАН ЧЁЛХЕ

Тāван чёлхе! Эс – манāн чун ҫуначē.
Эс пур чухне – эп катāк мар ҫынран.
Ахальтен мар чёре вутпа ҫунатчē
Ютра ҫүрөнө майāн ўнсäртран.

Чаваш чёлхи! Сана юп курнä, шаннä,
Күс пек упранä халäх авалтан.
Кун-ҫул вучахёнче эс кäварланнä, –
Чёлхе вёчне килетён чи малтан.

Эс – халäхän асанпёпе илемë,
Ун савнäçë, хевти, хуйхи-суйхи.
Эс пур чухне чаваш юта кёленмë,
Санпа пёрле чух – кämälë ҫурхи.

Тāван чёлхе! Эп сансäр – мëскëн, тäläх,
Эс пур чухне – ман кäкäрта кäвар.
Эс пур чухне ҫеç вилëмсёр ман халäх.
Ун чух ун ҫут пуласлäхë ҫук мар.

2001

РОДНОЙ ЯЗЫК

Язык родной! Моей души ты — крылья.
Пока ты есть — сильнее я вдвойне.
И на чужбине суть твою не скрыл я,
Когда пылало сердце, как в огне.

Язык чувашский! С верой и надеждой
Тебя хранил издревле наш народ.
И ныне согреваешь нас, как прежде,
С тобою лишь чуваш идет вперёд.

Ты сохранил народную идею,
В себе тая и радость, и печаль.
Пока ты есть — народ не оскудеет,
И ждет его весны прекрасной даль.

Язык родной! Я без тебя — без сердца,
С тобой лишь жар горит в моей груди.
Пока ты есть — и мой народ бессмертен.
С тобой лишь счастье ждёт нас впереди.
2001

Матери

Ах, ахне* ты, ахне!
В моей памяти ты.
Не идёшь ты ко мне
Из немой темноты.
О тебе винну чертят,
О тебе скажу слова.
Как учила нас ты,
Как была ты права.

Всегда юные те,
Закрутив энтины нити,
Мы лежа в суете
Не умели ценить.
Нас распинала без смысла,
Все люди боялись твоё.
Это смерть не спасла,
И твой разум погас.

Пак погасла звезда
Навсегда твоя энтина,
Ронки чумной гури болт? ?
Не лежа ли засидлись?
Они мечтала о дне,
Чтобы свелись мечты...
Ах, ахне ты, ахне,
Только в памяти ты.
2000.

* ахне (чуб.) — мать, мама

МАТЕРИ

Ах, анне* ты, анне!
В моей памяти ты.
Не идешь ты ко мне
Из немой темноты.
Твои вижу черты,
Твои слышу слова.
Как учила нас ты,
Как была ты права.

В годы юные те,
Закрутив жизни нить,
Мы тебя в суете
Не умели ценить.
Нас растила без сна,
В люди вывела нас.
Но себя не спасла,
И твой разум погас.

Так погасла звездой
Навсегда твоя жизнь.
Внуки шумной гурьбой
Не тебя ль заждались?
Ты мечтала о дне,
Чтобы сбылись мечты...
Ах, анне ты, анне,
Только в памяти ты.

2000

* Анне (чув.) – мать, мама.

СОН ОТЦА

Болезнь отца терзала много дней.
Пред ним сидели мать и азанне*.

Они сидели сутками порой,
И я ходил там, маленький герой.

Всё в белом цвете детство для меня:
Сорочка, на матраце простыня.

Гниет рука отца, не побороть,
Пришлось рукав рубахи распороть.

Болезнь его так мучила, аж, жуть,
Но всё же удалось ему вздремнуть.

Ему тогда приснился сон притом,
О том он бабке рассказал потом:

«Из-под кровати девочка бежит
Ко мне, и с хитрецою говорит:

— Ты дорогое самое отдай, —
И исцелишься сразу же тогда.

* Азанне (чув.) – бабушка по отцовской линии.

— Мой сын — его дороже больше нет,
Его я не отdam, приму сам смерть».

Тогда вот так во сне ответил он,
Но в памяти остался вещий сон.

И после похорон отца не раз
От бабушки я слышал сей рассказ.

Отец своей любовью меня спас —
О нем я песнь любви пою сейчас.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Дочка, баю-баю-бай,
Поскорее засыпай.
Вырастай, стремись вперёд,
Пусть твой светлый день придёт.

Крепче будь из года в год,
Не был слабеньким твой род.
Будь проворной, славной будь,
Счастье красит пусть твой путь.

Чтобы мать твоя с отцом
Славились твоим трудом.
Чтоб, как ты, с умом притом
Принца встретила б потом.

Века велика скамья, —
Чтоб затем была б семья,
Днем ли иль ночной порой
Ты сияла бы звездой.

Доченька, баю-бай-бай,
В сон ты сладкий утопай.
Вырастай, стремись вперёд,
Пусть твой светлый день придёт!
2006

ИЗ ЦИКЛА
«ТЕБЕ, МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»

Перевод А. Смолина

* * *

M. Y.

Мы в одном учились классе,
Вместе были днём всегда.
Но с тобой у чувств во власти
Ночью не был никогда.

«Вот идут жених с невестой», —
Говорили все про нас.
Знать, факт был тебе известен, —
Ты ж молчала всякий раз.

А когда нежнейшим светом
Озарился чувств накал,
Ощущив себя поэтом,
Стих я искренне слагал.

И тот стих-письмо направил
Через парты я тебе.
Кто-то коршуном, вне правил,
Перебил крыло судьбе.

Не шептались лишь, не скрою,
О любви наедине...
Ведь сейчас другой с тобою,
Взгляд свой даришь ты не мне.
1958

ПИСЬМА

Письма, письма... Пишу их в тиши...
Строчки все — это ключья души...
Голубь почты — крылатый конверт,
Зажигай в моём сердце жар-свет.
... В годы детства то было, давно...
Чутким быть, видно, мне суждено.
Хоть пока ещё опыта нет,
Но в полёт рвётся голубь-конверт.
Сердце светится, бьётся огнём,
Освещая мой путь даже днём.
Искры сыпятся все на листок,
Обретает размер каждый слог.
Ведь учусь в одном классе я с ней,
С каждым днём её голос ясней.
Две косички у ней за спиной,
Её лик — словно солнце весной.
Лишь она отняла мой покой,
Чтоб я жил стихотворной строкой.
И расправило крылья письмо,
Долететь не сумело само.
И лежит там, листы распластав,
Как птенец, что упал из гнезда.
Долететь-то осталось чуть-чуть...
Преградил ему ворон тут путь...
Не дошло до косы, парты той,
Она лик свой прикрыла рукой.

... Письма...

Письма...

Судьбы косяки...

Нынче крылья надёжны, крепки.
Письма-голуби — крыльев вы суть.
Нынче вновь провожаю вас в путь.
Белый лист — словно бисера свет,
Всё стремится вперёд мой конверт.
Видно, хочет отдать сердца жар
Там, где город мечты — Шубашкар!

* * *

Я во сне — и сокол, волен и велик:
Всё себе позволит пожилой старик.

Мои крылья быстры, в небе на седьмом
Я парил, как сокол, лишь тобой влеком.

А когда спустился вдруг на землю вновь,
Я тебя увидел — первую любовь.

Ты нежна, как прежде, тот же губ овал.
Только жаль, тебе я слова не сказал.

1996

Ты снова, как всегда, приснилась мне...
(Лихое детство нынче лишь во сне).
Опять мои друзья передо мной,
Зелёный цвет, задетый белизной...
Ищу в том колорите твой портрет,
Хочу перед тобой пролить я свет:
«Тебя одну люблю и вечно жду...»
И, наконец-то, я тебя найду.
Сидишь опять за партою ты той,
Я – молодой, стою перед тобой.
Платок и фартук в белом цвете вновь,
И платье на тебе... Вскипает кровь.
Стою с тобою рядом, чуть дрожа,
В твоих руках не книга, а журнал.
Глазами пробежался я стремглав:
Журнал чувашский держишь ты – «Ялав».
Там не было тогда стихов моих,
О, как там не хватало тогда их!
Быть может, прочитала бы их тогда, –
И всё ты поняла бы без труда.
Без слов, да, да... Но кто же даст тогда
Безвестному зелёный свет туда?
И потому, грустя, схожу с ума...
Ты это, видно, чувствуешь сама.
И в этот самый сладостный момент
Проснулся я — тебя со мною нет.

1997

Я чёрной тушью вывел твой портрет,
Ты оказалась, как Нарспи, прелестной.
От выкликов подруг покоя нет:
«Такая же живая...». Как мне лестно.
Копна волос и карие глаза,
А кудри, как лоза, чуть-чуть светлее.
В глазах твоих блестит зари роса, –
И нет тебя нежнее и милее.
Да, да... Как ты... Доволен я собой:
По памяти нарисовал картину.
«Художник он», – друзья наперебой
В те годы детства обо мне твердили.
Недаром я за тушь опять берусь,
И твой портрет рисую я недаром.
А на душе моей такая грусть, –
Не смог распорядиться своим даром.
Полвека миновало уж с тех пор...
Хочу увидеть... Проявить радушье...
Опять я вижу огненный твой взор...
Зачем же рисовал я чёрной тушью?
Ты вспомнила меня, быть может, так?
Не бисер ли годов твоих грусть нижет?
Вновь это – сон... А во дворе – бардак.
Себе я говорю: «Быстрей усни же...»
Мне не до сна, мне что-то душу жжёт.
Рисунок предо мной – моя отрада!..
И что в грядущем нас с тобою ждёт?
Ты где ж, моя Нарспи? Кому ты рада?

1999

* * *

Не говори мне: «Сны свои забудь»,
Мне в город иль в село заказан путь.

Как конь стреноженный я с этих пор,
Дверь дома моего хранит запор.

А путы эти — смута наших дней,
Сжимает моё горло всё сильней.

Всегда я в клетке и со мною страх,
На воле я бываю лишь в мечтах.

И кто об этом думал и гадал, —
На убыль всё идут мои года.

Душа поёт лишь с волей в унисон,
Знать, потому влюблён я в вещий сон.

1997

СОКРОВЕННОЕ

Шубашкар. Дворец чувашский.
Шумен полный зал.
Не сияют только с лаской
Там твои глаза.

Говорят, что мир так тесен,
Может быть, и так.
Но тебя со всеми вместе
Я не встретил там.

Где найти тебя — не знаю,
Я огнём объят.
Где же ты, моя родная,
Где твой нежный взгляд?
2000

* * *

Как опоре прочной тебе рад,
Без тебя же жизнь моя, как ад.
Не боюсь я злобы, порчи злой, —
Лишь бы ты была б всегда со мной.

Между нами вёрсты пролегли,
Друг от друга мы живём вдали.
Чем не шутит чёрт иной порой:
Вдруг тебе приглянется другой?

Не боюсь и гнева я ничуть,
Только ты всегда со мною будь.
Чем не шутит чёрт порой иной:
Станет некто этому виной?

Любят лебеду лишь пустыри,
Красоту невинную губя.
Сплетни близко к сердцу не бери,
Жди меня, от всей души любя.

В этом мире человека нет,
Чтоб тебя любил сильней меня.
Стихнет боль. Прольётся счастья свет,
Прелестью любви к себе маня.

2003

* * *

Рука в руке, иду с тобою рядом
По улице столицы вешним днём.
Мы медленно шагаем, чуя взглядом,
Как наши души вспыхнули огнём.

О, сколько лет пришлось нам жить в разлуке,
О, сколько лет томился я вдали?!
Теперь седой я, гляжу твои руки,
С тобой сейчас мы счастье обрели.

От сердца я хочу в любви признаться,
Как юный муж перед своей женой.
Как будто нам с тобою лет по двадцать,
Средь бела дня идём по мостовой.

Я этому моменту знаю цену,
Он несравним теперь с ценой любой.
Пусть испытаю вновь судьбы измену,
Но буду вечно рядом я с тобой.

Как хорошо мне было с тобой рядом,
От грусти не осталось и следа.
Я обнимал так нежно тебя взглядом...
Миг чуда-встречи в памяти всегда.

2004

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ (Рубаи)

Цивилизацию мы ищем там, вдали,
Её повсюду в угол завели:
Насилуют и грабят, убивают,
До низости невинных низвели.

Видать, и к нам пришла болезнь та:
В полях — сорняк, в сусеках — пустота.
И дружбы нет, окаменели души, —
Воспринимаем это просто так.

Когда порядок рушится подряд,
Хоть близок локоть, укусить — навряд.
Людей одних напасти одолели,
И с каждым днём бледнее бедных ряд.

Ведь не в чести теперь и ветеран,
Его душа горит от жгучих ран.
Разъехались и дети, и внучата,
Коль нет работы тут. Вот стыд и срам!

На улицах резвилась детвора,
У всех — сады и живность по дворам.
А что сейчас в деревне примечашь? —
Ждёт стариков печальная пора.

Кому ты одинокий нужен тут,
Хотя пока тебя и дети чтут?
У них своя судьба, свои проблемы, —
А нас уже иные дали ждут.

Рубиши — щепки, пишешь — бумаги ворох,
И сколько же трудился я в ту пору?
Наш дом, как улей, в юности гудел,
Теперь один, всё завершится скоро.

Как юность ощущаю я рассвет,
В заре вечернем старцем вижу свет.
Порой ночной теряюсь я в догадках, —
Как будто сутки — это суть сто лет.

Осталось имя, дочери хоть нет,
Во сне теперь являет лика свет.
Зачем же, говорю, ушла ты раньше?
Куда мне голову седую деть?

Два сына у неё вдали одни,
Как на ноги им встать там без родни?
За них душа моя в огне пылает,
Душа моя сама огню сродни.

И Богу нынче молимся сильней,
Чтоб одарил нас милостью своей.
Но и Ему, видать, простить непросто
За все грехи несметные людей.

Достойный себе век не выбирал,
Знать, потому мой век ничтожно мал.
Но оказалось лучшее всё в прошлом, —
Об этом я тогда ещё не знал.

2006

СОЛНЦЕ

О солнце... Лишь ему благодаря,
Над городом, селом встаёт заря.
Есть ты да я... И чудный мир сей есть,
Чтоб сень его воспринимали здесь.
Мы без него не сможем испытать
Природы благородной благодать.
Оно же, как гостям, несёт нам свет,
И каждый теплотой его согрет.
Быть может, вправду, землю возлюбя,
Хозяином считаем мы себя?

И эту, нам оказанную честь,
Должны мы с благодарностью учесть.
Всё ж радуйся, что ты пришёл на свет,
И не сведи достоинство на нет.
Как солнце же, неси ты чудо-свет,
Оставив за собою светлый след.
Храни ты честь, забудь про серебро,
Жизнь человека – лучшее добро.
Скажу я не для красного словца:
Храни Мать-землю, Солнышко-отца.

2001

* * *

Нас родила так нежно Мать-землица,
Она ж взрастила, кормит всех одна,
Чтоб мы смогли душой с природой слиться.
И мне она, как счастья знак, дана.
И после смерти нас хранит она.

2001

НАСТАВЛЕНИЕ МОЛОДЫМ

Молодые, добрыми вы будьте,
Про свой труд и доблестъ не забудьте.
Будьте вы разумными, дерзайте,
И своё здоровье закаляйте.
Праведным путём всегда идите,
Завистью и злом не навредите.
На добро добром вы отвечайте,
Падших и заблудших привечайте.
Радуйтесь вы ближнего успехом, —
К вам тогда успех вернётся эхом.
Но, добро преследуя в азарте,
На добро чужое вы не зарьтесь.
Чистыми вы чувствами владейте,
За родной народ всегда радейте.
Ну а коли чувашей вы дети,
На свой древний славный род надейтесь.
Его славу вы приумножайте,
Путь его достойно продолжайте.
К цели рвитесь вы свободно, смело,
Знайте: не погибнет ваше дело.
В силы вы свои, друзья, поверьте:
Вам присущи доблестъ и бессмертье.
2000

Скорбные звуки

Памяти О. Г. Сандрикной

Уходят сутки птичьей стаей,
Уходят в спешке, навсегда.
За ними так же в спешке тают
И наши зрелые года.

Прошло вот детство за оконцем,
Прошла и юность лишь вчера.
Светило ярко твое солнце –
Ему к закату уж пора.

И мы с тобою рядом были,
Но вдруг в оконце свет погас.
И стар, и млад тебя любили –
Не сберегли, прости уж нас.

Прошли года, исчезли птицей,
Как продолжение твое
Ведь остаются внуки, дети –
Выходит, все ж брала свое.

И на Земле следы остались,
Знать, жизнь прожита не зря.
И снова в зимней снежной дали
Восходит новая заря.

Пришла пора, спи в мире тихом,
Где рядом хлебные поля.
Как говорят, пусть будет пухом
Сырая, вечная Земля!

08.02.2009

РЕКВИЕМ

Памяти Владимира Ильина

С тобою, да, были дети войны мы,
Недаром нас звали друзья-побратимы.
Связала нас крепко судьба навсегда –
Всеобщее горе, лихая беда.

Но мы выживали судьбе вопреки,
Росли, возмужали и были крепки.
Нас труд воспитал и Советская власть,
Родная страна заменила нам мать.

Что было, то было – время сурово –
Из песни, однако, не выкинешь слово.
Мы были, остались друзья навсегда.
Как прежде, преследует вдруг нас беда.

И вот ты ушел нежданно-негаданно,
Тяжелое горе ничем не оправдано.

– Прощай! – говорим мы. –
Прощай, друг большой!..
Морозной и снежной, суровой зимой.

Но после себя добрый след ты оставил,
На радость друзьям и Отчизне во славу.
Пока живы дети, друзья пока живы,
Мы будем с тобою всегда побрратимы.

07.01.2010

Памяти Петра Ишутова

Мы детство трудное прошли, ровесник,
По сути не видали мы его.
И замерзали, и голодали вечно –
Была война, досталось нам всего.

На наши и на мамины лишь плечи
Легли невзгоды и труды тех лет.
Нам всем нужна была Победа очень –
На зов страны таков наш был ответ.

Друг друга мы не знали, не гадали,
Навстречу шли по разному пути.
Ты в армии служил в далкой дали,
А мне пришлось свой путь в селе найти.

Поэзия нас сблизила, сдружила –
Ей вместе дружно отдавали силы.

09.01.2001

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО

*Памяти Героя Советского Союза
Е. Т. Воробьева*

Союза нет теперь. Он рухнул.
Ты был Героем той страны.
Ее последний страж покинул
Нас неожиданно, увы!

О, как отчаянно ты бился
В недавнем прошлом — в грозный век.
В село родное жив вернулся
Простой, отважный человек.

Уходят в прошлое Герои,
Пришел сегодня твой черед.
Бывает смерть красна порою,
Когда страна идет вперед.

24.01.2011

УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

*Памяти ветерана
Великой Отечественной войны,
отличника народного просвещения РСФСР
Захара Семеновича Щеголькова*

С уходом минувшего века
Уходят милые черты...
Недаром звук минорный эхом
В моих стихах встречаешь ты.

Очередная боль утраты:
Вдруг Щегольков, наш ветеран,
Ушел, как говорят ребята,
От старых и от новых ран.

Захар Семенович – учитель,
Забыть его никак нельзя.
Он был постарше, но, учтите,
Успел повоевать, друзья.

Из Кундюковки он, тот парень,
Направлен в Тимерсяны был.
Ходил с ровесниками в паре,
При этом одаренным слыл.

Высокий, с стройною осанкой,
Лицом на Пушкина похож,
И баками, главой кудрявой,
Походкою весьма был схож.

А за глаза мы так и звали
Его, быть может, сам слыхал.
Своим кумиром признавали,
На нас кумир зла не держал.

Предмет свой знал он досконально,
Передавал нам все, что знал.
Литературу эпохально
Кто захотел, тот изучал.

Одной семьей мы жили дружно
Все наши школьные года.
Они прошли так быстро, нежно,
Как сон, как вешняя вода.

И вот теперь ушел учитель
От старых и от новых ран.
Живет он вечно в нас, учтите,
Наш путеводитель, ветеран.
07.02. 2011

ЭЛЕГИЯ

*Памяти
Петра Леонтьевича Ермилова —
дяди Мигуля*

Еще одна звезда погасла
Во мраке вечном и пустом.
Она лет семьдесят горела,
Сей груз не вынесла потом.

Твоя звезда горела эта,
Мой дядя. Вдруг пришла беда...
Зимой сурою и летом
Не зря горела та звезда.

Светить, гореть душой обязан
За свой весьма недолгий век:
Добротный дом поставить разом,
Растить детей в нем человек.

И, в-третьих, яркий след оставить
Трудом желанным на земле.
Тогда заслуженная слава
Найдет тебя сквозь толщи лет.

Трудолюбив ты был, кто спорит?
Ты чудо-дом сам сотворил.
И дети возмужали скоро, —
Не зря трудился, честно жил.

Ты продолжаешь жить в потомках,
Твои черты в них узнаю.
Так, значит, не сидим в потемках
Мы в звездном мире на краю.

1999, 6 октября

СЕРДЦЕ УЧИТЕЛЯ

*Светлой памяти заслуженного
учителя школы РФ Р.В. Романовой*

Была в классе девочка Роза,
Сама как цветок тот была.
Собой подкупила нас сразу,
Улыбкой веселой цвела.

Румянее всех и белее,
Смелей и удачливей всех,
Была она всех красивее,
Судьба ей дарила успех.

И счастье нашла не в чужбине,
На малой на родине, здесь.
И людям в лихую годину
Всегда отдавала, что есть.

Как Данко, вдруг вынула сердце,
Себя не жалея — и в путь.
Что смерть покосила — не верьте,
Хоть и тяжело всем нам, пусть.

Горело не зря сердце Розы,
У нас, в Тимерсянах, не зря.
В сердцах у воспитанников тоже
Зажглась алым светом заря.

2007

Поэмы

ПАМЯТИ ЯКОВА УХСАЯ

1

Я не искал тропинок узких,
Во сне от злобы не стонал.
В селе я вырос среди русских
И дружбу крепкую познал.
Чужой становился мне другом,
Когда ему скажу: «Ухсай».
Паролем добрым и сугубым
То имя стало на весь край.
И не в застолье в виде тоста
Я это имя где-нибудь
Произношу. Скажу я просто:
Он — моего народа суть!
Да, скромен мой народ извечный,
Трудолюбив, и мудр, и смел,
В семье огромной человечьей
Создать он свой язык сумел!

Звал младшим братом, как бывало,
И письма теплые писал.
Меня его питала слава,
Я словно крылья расправлял.
Людей поэзия сближает,
Священно действие ее,
Она и раны заживляет,
И бьет, как меткое копье.
Поэтом быть всегда непросто,
Его нелегкая судьба
Подобна падающим звездам,
Он весь — стихия и борьба.
А быть одним еще труднее
В огне, не знающем преград.
И ты мне стал еще роднее,
Ухсай, мой мудрый старший брат!
Мои лечил ты раны словом,
На них не сыпал спеси соль.
Хоть был порою нездоровым,
Но утолял чужую боль.
Быть старшим нелегко, поверьте,
Ты заслонял меня собой.
И смерть твоя — твое бессмертье,
С народом связан ты судьбой!
Владеть учил ты звонким словом,
И зажигал строкою нас...
Как я хочу в тиши о многом
Поговорить с тобой сейчас!

3

Путь каменистый, трудный, долгий
Народа к истине пролег...
Как ты любил над вешней Волгой
Бродящий крепкий ветерок!
И город, где родился Ленин,
Любим тобою и воспет,
Здесь к мастерству твои ступени,
Здесь жил, творил другой поэт!
Подобно дубу вековому
Боролся, ветром каждый день.
Он дал подлеску молодому
Еще не выросшему тень.
Народ, как лес могучий, — в силе,
Как речь шумит его листва.
Поэт (да разве он в могиле?)
Вобрал в себя его слова.
Лес слушает, а поле видит...
А дуб шумит, касаясь звезд.
Его и буря не обидит,
Он воспрямился во весь рост!

4

Ты мог сказать всю правду прямо,
Боясь лукавых, скользких слов.
Учил: поэзия — не дама,
Чьи строки в облаке духов.
Учил: ты силой богатырской
В пустых стихах не потрясай!
— Чем жив-богат наш край Симбирский? —

Меня расспрашивал Ухсай.
За словом слово, словно речка...
И было даже не до сна,
Уже сверчок запел за печкой,
И в добром доме тишина...

5

И вот опять пришел я к дому,
Где друга верного обрел,
Где все до боли мне знакомо,
Где жил несломленный орел.
Меня встречать Ухсай не вышел
И не писал он мне давно...
Поэт с бедой живет под крышей,
Лететь ему не суждено.
— Вот видишь как... — сказал он тихо, —
Дела плохие, старый друг.
И до меня добралось лихо...
И сиротливо стало вдруг.
Прощай, мой брат! — и взглядом ясным
Меня окинул и замолк.
...Струился серый день ненастный,
И вечер крался на порог.
Когда я вспомню эту встречу,
Душа тоскует и щемит,
И растревоженный под вечер
Столетний дуб в саду шумит...
1986

ПОЭМА О ХЛЕБЕ

I.

Словно времени явленье,
Человечества судьба,
Снизошло, как озаренье, —
Печь насущные хлеба.

Кто он, первооткрыватель?
Кто? Безвестным умер он.
Был умен хлебов создатель
И душою наделен.

Не писалась долго книга
И о хлебе, и о нас.
Возводили в поле ригу
В благодатный жатве час.

Твердо знали наши деды:
Если хлеба нет — сумма.
Это вовсе не скаредность —
Золотые закрома.

Жить в нужде — увы! — не сладко.
Хлеб в избе — идут дела.
Ах, какою наша бабка
Мастерицею была!

Темень. Тускло светит свечка:
С тестом уйма всех хлопот.
Но уже пылает печка,
Садит бабка хлеб на под.

Деревянною лопатой
Вынимает каравай.
День сегодня — тароватый,
И в душе ребячьей — рай!

Хлеб душист. С румянной коркой.
Свежей скатертью покрыт.
Соль в солонке — белой горкой,
Дух живой в избе царит.

Он на улице, на ветках,
Лег в осеннюю траву.
Удивляется соседка
Бабки нашей мастерству.

И к столу придвинув лавки,
Стала завтракать семья.
Хорошо, когда в достатке
И вся Родина моя!

Хлеб — судьба, а не игрушка.
До чего же так тепла
Ноздреватая горбушка,
Что мне бабушка дала!

II

Но время шло, меня растило,
И жизнь была, как целина.
Но тенью черною накрыла
Село родимое война.

Нет, не снарядным страшным воем,
Когда вокруг земля горит,
А безутешною вдовою
Она входила в сельский быт.

И то. Что день — то похоронка.
Весь белый свет от слез ослеп.
Растили бабы и мальчишки
Насущный хлеб, военный хлеб.

Спасенье нам в российском хлебе.
Теперь и жизнь вся на виду.
Погаснут звезды в гулком небе,
И в поле с мамой я иду.

Несу я грабли, как винтовку,
Сбираю в поле колоски.
Цепом орудую, и ловко
Кошу я травы у реки.

И — «Все — для фронта! Для Победы!» —
Через меня тогда прошло.
Я этот горький хлеб отведал,
Мое зерно других спасло.

А я питался отрубями
И подорожною травой.
Еще я всем обязан маме —
Она кусок давала свой!

Я видел хлеб насущный редко,
И был он чаще — из лузги...
Пришла однажды к нам соседка:
— Мы умираем. Помоги.

И горсть муки к груди прижала
(Мы поделились, чем могли),
И тихо-тихо вдруг сказала:
«Война окончится коли,

Лепешек напеку я в печке
И всех детишек накормлю...»
Белело поле, стыла речка.
Зима катилась к февралю.

В ту зиму долгую я понял
И цену хлеба, и салмы*,
А главное, не проворонил —
Основу жизни: хлеб и мы!

Не расточительствуй! Святыня —
Насущный хлеб. Его тепло
Согреет в небе, и на льдине,
С ним будет нам всегда светло!

*Салма — разновидность клецок.

О как тяжел созревший колос!
Как тяжела зерна струя!
Зато так звонок детский голос —
Коль с хлебом Родина моя!

III

Шел голод по российским селам
В тот двадцать первый черный год.
Был дед мой полон сил и молод.
Тянул хозяйство сам. И вот...

Кормиться стали лебедою
(«Лебедным» прозван год был тот),
Был голод страшною бедою:
Шло пол-России на погост.

Закрыли ставни, дверь забили —
И в дальний путь из этих мест,
Добрались даже до Сибири!
Что ни верста — могильный крест.

О том нам бабка рассказала,
Чтоб перед Господом предстать.
И на лице её лежала
Глухого времени печать.

И дед мой сгинул... Словно город,
Погост разросся вдоль полей.
И был чумою страшный голод,
Он черным был: черней углей.

Однажды я в тиши музея
Заметил слабый колосок:
Ну кто зерно такое сеет?
Чтоб хлеб давал такой росток!

Но тот росток, короткий, хилый,
Был хлебом горя и беды:
И спас он бабку от могилы,
Ущербный колос лебеды.

VI

Что раньше знал я о блокаде?
То, что в войну она была.
В многострадальном Ленинграде,
Что много жизней унесла.

И вот я здесь, поволжский житель,
Земли восходов и берез,
Я очевидцев тех увидел,
Рассказы их в душе унес.

На точно взвешенные граммы
Был хлеб блокадный разделен,
Что отрезали детям мамы,
В ладошке умещался он.

Я не нуждался в местном гиде:
О том я слышал с детских лет,
Но лучше самому увидеть
В натуре тот блокадный хлеб!

И вот он, весь из целлюлозы, —
Холодный, черный и пустой.
Впитавший холод, смерть и слезы,
И все же — здимый и святой!

Была зима. Молчало в кране.
Стук метронома. Смерти лик.
И пишет Савичева Таня
Скупой пронзительный дневник.

А в нем ни слова укоризны.
Но Ленинград не замолчит.
И неостывшим гимном жизни
В огне симфония звучит.

V

Вы отводили наши беды,
Когда ходили за сохой,
Молились Богу, глядя в небо,
Чтоб не была земля сухой.

О наши деды! Дух артели
Блюда трудились. И при том,
Не только земли оскудели
И истощился чернозем.

Одни богатство наживали,
Кто обнищал — тот в батраки.
По-разному в деревне жили
Односельчане-мужики.

Трудились все — и стар, и молод, —
Из года в год, из года в год.
Но все ж витал над ними голод,
Когда случился недород.

То градом выбивало просо,
То дождь весь день заладил лить,
Страдал хозяин от вопросов:
Как в зиму семью прокормить?

Не то, что ныне. Поле — море.
Волной — насущные хлеба.
Теперь на золотом просторе
Легла крестьянская судьба!

Но и сейчас (того не скрою)
Трудна ненастная страда.
Тому у нас примеров море —
Порою вновь грозит беда.

Как беззащитен человек!
Ему враги — и жар, и холод,
Но самый страшный враг навек —
Неутолимый тихий голод!

Ведь человечество еще
Наполовину только сыто,
А сколько голодом убитых!
Какой печальный хлебу счет...

Про «останборт» слыхали вы?
Но и его давали скучно
Фашисты пленным. Вкус травы.
Просить добавки было глупо.

За это пулю слали в лоб.
И столько так людей погибло!
Тот хлеб-эрзац отправил в гроб
Голодный люд, что звали быдлом.

Идет жестокая война
За право жить, быть завтра сытым,
И оскудела целина,
И целый край,войной убитый.

Созревший хлеб — дитя земли —
Извечный спутник человека.
Поля, поля... Они вошли
И в плоть и кровь
мою и века!

1984—1989

ОТЧИЙ ДОМ

I

Судьба забросит и на край земли...
А вы прожить без Родины смогли б?

Ведь ты живешь, пока жива она,
Твоя неповторимая страна!

И есть в ней город или же село,
В котором детство речкой протекло.

Где твой любимый старый отчий дом,
Где вырастал ты под его крылом.

Его роднее, ближе сердцу нет,
И я блюду всегда его завет!

И как я счастлив встречами с тобой,
Родимый дом! Ты стал моей судьбой!

В заплатах крыща, ветхость налицо,
Но видишь: детство вышло на крыльце.

И никаких обид в помине нет,
Хотя объехал целый белый свет!

Когда есть дом, то не иссякнет род,
Толпятся годы у его ворот.

Без дома ты — дорожная трава,
И как Иван, не помнящий родства.

II

... Отец был беден, жил своим трудом,
Он не сумел себе поставить дом.

Окончил рано он нелегкий путь,
Его уже оттуда не вернуть.

И все же я в добротном доме жил,
Нам Яковлев Иван его сложил.

Он слыл чувашским праведным отцом,
Учителем и светлым мудрецом!

В его-то школе жили мы тогда
И не боялись всякого труда!

Когда окрепли крылья у меня,
Мать умерла, добро в душе храня.

И разлучила нас судьба, сирот,
И мы простились с домом у ворот.

III

... Когда бываю я в родном селе,
Я вижу дом: наличники — в смоле.

И там, где угол был семейный наш, —
Теперь сегодня — шумный школьный класс.

Другое детство тут сейчас живет,
Оно меня совсем не узнает.

Один свидетель прошлого, браток, —
Железный гвоздь, забитый в потолок.

Он — мой хранитель и моя свирель:
На нем качалась, пела колыбель.

Его отец забил давным-давно,
И только приговаривал одно:

«Железный гвоздь, на славу послужи!
И эту зыбку детскую держи!

А в ней мой сын любимый подрастет,
Ты научи его любить народ!»

Затем в той зыбке подрастал мой брат,
И гвоздь был делу в нашем доме рад!

И был надежней самых зорьких нянь,
Теперь стихи — ему по праву дань!

А старый дом заботлив до сих пор:
Растит моих братишек и сестер.

И Яковлева дружная семья
Обжила эти милые края!

И я вернулся снова в отчий дом:
Прими опять к себе учеником!

1992

БОЛЬШОЕ НАГАТКИНО (Отрывки из поэмы)

Село родное, Асла Нагатка*,
Рождение твое от нас не близко.
Ты простояло на земле века,
Как младший брат степенного Симбирска.

На вас и солнце льет одни лучи,
Из мрачных туч одни летят осадки...
Тут землю по заслугам получил
Достойный человек Степан Нагаткин.

И светит мне в густом тумане луч,
Чтоб смог я разглядеть и восхититься,
Увидев, как течет река Бирюч,
И девушка к ней сходит за водицей.

Мне слышится напев ее родной...
И постепенно различаю взглядом
Шесть жалких изб на улочке одной
И барскую усадьбу где-то рядом.

Так время шло — то сев, то молотьба,
Нелегкий хлеб
входил в сознанье с детства...

* Чувашское название села Большое Нагаткино.

Извечная крестьянская судьба
Передавалась в тяжкое наследство.

Жизнь не продолжить с чистого листа,
Не всякий над судьбою этой властен —
Но к лучшему стремились неспроста,
Хотя короткий хвост у птицы счастья...

Село родное, Асла Нагатка!
Свою вину сегодня ощущаю
За то, что лишь теперь моя строка
Тебе святые чувства посвящает.

С далеких пор пустил я корни здесь,
Тут юность протекла моя и зрелость,
Хоть и страну, и мир бескрайний весь
Исколесить мне искренне хотелось.

Родное слово и родная речь
Светили мне всегда, как в небе просинь,
И мог я вдохновение беречь
Все годы, словно в болдинскую осень.

Я правду жизни черпал не из книг,
Стремясь к тому и днями, и ночами,
Что знал с почтеньем встреченный старик
И мудрые степенные сельчане.

И многого дальнейшего исток,
Наверно, обозначился впервые,
Когда «О деньги, дьявольский листок!»,
Как дальний классик, на бумаге вывел.

Роман в стихах создать хотелось мне,
Чтоб мир наживы заклеймить в ней ярко.
И я писал, устроившись на пне,
В углу того, помещичьего парка...

Село родное, Асла Нагатка,
В тебе и моего народа искра,
Хоть сила притяженья велика
Недальнего Ульяновска — Симбирска.

Мы и тебя как город славим тут,
Совсем немного правду приукрасив —
Ведь и дома уверенно растут,
И мчат машины по широким трассам.

Где шесть домов на улочке одной,
Там, у реки, смотревшихся красиво,
Пришли дворцы и виллы в край родной,
И в небеса стремятся жилмассивы.

Но в том ли жизни новая краса,
Что, славя рынок, но в базарном гаме,
Автобусы штурмуют, как десант,
Лихие пассажиры с рюкзаками?..

Уходит потихоньку старый мир,
А новый нам надежд несет немного —
Но человек, как вечный пассажир,
Надеется на добрую дорогу.

Село родное, Асла Нагатка,
Тебя, как мог, попробовал воспеть я.
Таким тебя запомнили века,
Таким ты входишь в новое столетье...

1997

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕБОКСАРАХ (Отрывок из поэмы)

Опять в стране тревожные денечки,
И сумрачные ночи не тихи.
Течет печаль в сочувственные строчки
И наполняют горечью стихи.

— В политику не лезь! —
твёрдят мне снова. —
Удел поэта — радужный покой.
Но коль болит душа — всего основа,
Как мысли не противиться такой?

Да, у стихов священные законы —
Тут соблюдай и рифму, и размер,
Но кто, как не поэт, расслышит стоны,
Уловит суть людских надежд и вер?

И он острее ощущает время,
Дыша со всеми воздухом одним,
Но более ответственное бремя
На нем, и больше всех долгов за ним.

Его сегодня и судьба, и кара —
В стихах о новом веке возвещать...
Прости, мой славный город Чебоксары,
Что перестал тебя я навещать.

Не я виной, что так случилось это,
Но память о тебе мне дорога.
В родном kraю из четырех поэтов
Старейшина — покорный Ваш слуга.

На мир взирая умудренным взглядом,
Особой мерой стал ценить свой стих —
Ведь многих нет,

кто был когда-то рядом,
И нам, живым, теперь творить за них.

О имена, мне вечно дорогие,
Что в Чебоксарах начал я ценить:
Алга, Ухсай, Шавлы и все другие,
Кто в новый день тянул надежды нить.

В уютных залах был и я замечен:
Митта, Ефимов, Педер Хузангай
Приветно жали руку мне при встрече
И приглашали на вечерний чай.

Судьба периферийная не сахар,
Немало там своих забот и бед,
Но частые поездки в Чебоксары
Дарили тех общиний ясный свет.

И до сих пор припоминаю свято,
Как смысл таланта открывался нам,
Как ощущал себя их младшим братом,
Внимая мудрым взвешенным словам...

Пришли сегодня времена другие,
Важны иные темы для стихов,
Но также ощущаю ностальгию
По голосам и строчкам стариков.

И, с объяснимой грустью вспоминая
О тех мгновеньях, сердцу дорогих,
Все чаще и острее замечаю,
Что стал я «старшим братом» для других.

Да, новое обозначая время
Всей силою таланта своего,
Идет на смену молодое племя —
Я искренне приветствую его.

И руки юных жму под тем же небом,
И нахожу приветные слова.
Живет народ, поля засеяв хлебом, —
А значит, и поэзия жива.

И я еще, видать, не слишком старый,
Чтоб сетовать над собственной судьбой.
Прости мне грусть, мой город Чебоксары,
Бог даст, еще увидимся с тобой...
2001

МАРИНЕ

1. Алгаши

Алгаши – село, как город,
И не старится оно.
Обойдешь его не скоро,
Тут дворов полным-полно.

Сколько улиц вдоль селенья,
Крепко сложен каждый дом.
Сколько разных впечатлений
Ожидает здесь притом.

И садов тенистых столько,
Как людей, что любят их...
Хоть свои, не знаешь толком:
Чья невеста, чей жених?

Небольшая где-то рядом
Здесь течет река Цильна.
По весне окинешь взглядом –
И как будто не она.

Свои волны шумно носит,
Как наступит ледоход.
В огороды ил заносит
И мосты лед разнесет.

А порой бывает хуже –
Уплывает банный сруб.
Не удержит парень дюжий,
Жёлт хозяин, словно труп.

Три колхоза в одночасье
Родились здесь, в Алгашах.
Голодали... Нет несчастья! –
Ныне хлеб есть в закромах.

Ожидается богатый
В поле новый урожай.
Мать-природа торовата,
Льется радость через край.

А когда страда настанет,
В поле выйдет стар и млад —
И никто тут не устанет,
Потрудиться каждый рад.

По утрам спешат все скопом,
Будто бы в стране чудес —
Кто на ток подвозит копна,
По дрова кто едет в лес.

Кто в поту весь на загоне
Чуть с зарей свершит дела.
Там теперь «стальные кони»
Закусили удила.

У сельчан забот навалом
В эту пору, как всегда.
Молодые правят балом,
Им и горе – не беда.

От комбайна пыли клубом,
Где хлеба стоят стеной.
Лишь на миг уйдет на убыль
Благодатный шум степной.

Убирает и молотит
Чудо-техника сама.
Хотя в ней и нету плоти,
От нее все без ума.

Как же так? Не сказка ль это?
Жизнь волшебная пришла!
А в селе – в разгаре лета,
Сила в нем потоком шла.

Хлеб идет и днем, и ночью
В государства закрома,
А завидно, между прочим,
Молодым порой весьма.

Хлеба больше – тем богаче
Необъятная страна.
Ясно все, что это значит:
Значит, Родина сильна.

Тем зажиточнее люди
Из старинного села.
Впрочем, то ли еще будет,
Лишь судьба б не подвела.

А вершит судьбу не барин
И не царский там дворец.
Счастье нам никто не дарит,
Сам народ судьбы творец.

Кто они, герои пашен?
Кто хозяева те есть?
Знают все – сельчане наши,
Им, простым, хвала и честь!

Митрофанов¹, Коля Князькин² –
И Шуреков³ из крестьян.
Не проходят без огласки
Имена их средь селян.

Молодежь растет не где-то,
У себя – тем и ценней.
Пишет даже райгазета
Про ударников полей.

А на улице ватага
Босоногой ребятни.
Будущие работяги
В дружбе с грядкой в эти дни.

Ну, а будущее рядом,
Всех оно к себе влечет
Со своим простым нарядом
В дальний сказочный полет.

Началась уже сегодня
Всюду эта кутерьма.
Новоселов стало сотни –
Как грибы, растут дома.

Двухэтажные хоромы –
Эта школа средь села.
Она белою вороной
С прежних лет одна была.

Помнит школа не случайно,
Как два друга в старину
Навещали, просвещая,
Эту нашу сторону.

Яковлев со старшим другом
Приезжали в школьный дом.
И живет во всей округе,
Как легенда, весть о том.

Завещанья их нетленны
Претворяются в жизнь теперь.
Дети разных поколений
Смело входят в эту дверь.

Земляки – Иван Корнилов⁴,
Виктор, друг его, Итесь⁵,
В школе, как на хлебной ниве,
Дружно попотели здесь.

Академию осилил
Алгашинец Карсаков⁶.
И другие в этом стиле
Поднялись без лишних слов.

На скрижалях ли науки
Остаются имена.
Знают их не только внуки,
Знает целая страна.

В своей юности мы тоже
Повторили этот путь.
Кто в лаптях, а кто в рогожке* –
Доучились где-нибудь.

* * *

Раз в неделю, как бывало,
Собирается базар.
Земляки, как стая галок,
Выставляют свой товар.

* Белая толстая и редкая ткань с негладкой шашечной поверхностью.

Все идет в продажу: лапти,
Лыко, масло, молоко.
Никого здесь нет в накладе,
Всем торгуется легко.

Кое-что из огородца:
Лук, капуста и морковь.
Торговаться при народе
Хочет зять или свекровь.

За спиною, возле рова,
На восточной стороне,
Овцы, козы и коровы –
Живность всякая в цене.

А на полках пряность, сладость –
Людям некогда скучать:
Покупают всем на радость –
Детям или для внучат.

Полки ломятся от фруктов,
Самых свежих овощей.
Есть одежда и продукты,
Лавки всяких мелочей.

В ярких праздничных нарядах
Женихи гурьбой идут.
И не только дружбы ради –
Тут красавиц они ждут.

А когда наступит осень,
То уже на новый лад
Свадеб будет семь иль восемь,
Ждут их тут и стар, и млад.

А пока гуляют страстно
С модной выпривкой слегка.
Жить на свете все ж прекрасно, –
Вот о чем поют меха.

Кто идет – грызет орехи,
Или семечки грызет.
Где успехи, где прорехи –
С другом разговор ведет.

А когда умолкнет площадь,
Воцарится здесь покой.
Ветер травку прополощет,
Мусор унося с собой.

2. Марине

Школьный дом с железной крышей,
Досками обшит притом,
Двухэтажный, всех он выше,
Желтоватый этот дом.

Зданье старое. В том месте
С века прошлого стоит.
Простоит еще лет двести,
Сохранив приличный вид.

Оно типа городского,
Окна светлые – стеной.
Школьных парт и книг тут много, –
Для детей, что дом родной.

И высокою оградой
Обнесен весь школьный двор.
А за ним, как бы в награду,
Всех зовет степной простор.

Здесь живут с одним желаньем
Дети из соседних сел,
Кто свое нашел мечтанье,
Кто призвание нашел.

За садами в день весенний
Слышится полет шмеля,
Уважаемые всеми
Здесь живут учителя.

Церковь старая в печали
За оградою стоит.
Клуб открыли здесь сельчане,
Изменили прежний вид.

Есть в селе библиотека,
Разместилась здесь давно.
Все – для блага человека,
В откуп все ему дано.

А от школьного порога
Вдоль по улице, к реке,
Лентой тянется дорога,
Поворот невдалеке.

Под горой крутой, в долине,
Снова улицы, дома.
И дорога в середине
Приведет туда сама.

По ландшафту и название —
Улица Лаприкасы.
Хороша и утром ранним,
И в вечерние часы.

Проживает в отчем доме
Здесь девчонка Марине.
Всем любима и знакома
В этой сельской стороне.

Блики солнечные ясно
Отражаются на ней.
Очи карие прекрасны,
Светлых звездочек ясней.

Косы, как у славной девы,
Скоро вырастут они.
(А чуваши, в самом деле,
Чтут те косы искони).

Обаятельна, речиста,
Ходит, свежестью дыша.
И лицо, и руки чисты,
Просто – милая душа.

Работягой стала самой,
Рано вставши по утрам.
Все довольны – папа с мамой –
Дочь растет не по годам.

Мать следит, дает советы, –
Суп варить – не так себе,
Знает все теперь секреты,
Как полы помыть в избе.

Мыть посуду, между делом
Печь лепешку на плите
Марине берется смело,
Разбирается в еде.

А порою непоседа
У огня печет блины.
Запах чуют и соседи
Из окна с той стороны.

Убирает мусор в доме,
Кормит маленьких котят.
Игры тоже ей знакомы,
Дни веселые летят.

Бережет сестру и брата
От соседских злых собак.
Дружат с нею все ребята, –
В играх девочка вожак.

Вовремя приходит внучка,
Когда бабушке невмочь.
Стирка в доме, дел всяк куча, –
Помогает маме дочь.

Кто в подругах у Марины?
Ну, конечно, Оля, Нина,
Вера, Лида, Валентина,
Люба тоже молодчина

И другие на подбор,
Полны улица и двор.
Есть мальчишки, между прочим,
С Петей, Ваней дружит очень.

Кто из них милее сердцу?
Выделять никак нельзя.
Открывают сердца дверцу
Закадычные друзья.

Шум и гам не умолкают
Днем по всей Лаприкасы.
А у взрослых сердце тает
От такой земной красы.

На лужайке ежедневно
Так легко катится мяч.
Смех и радость непременно
Вызывает шумный матч.

По грибы кому-то надо,
Когда летний дождь пройдет.
Вечерком, встречая стадо,
Загоняют в хлев свой скот.

Привлекают посиделки
Молодых то тут, то там.
Собираясь, парни-девки
Веселятся по ночам.

Марине с друзьями тоже
Приглашают иногда.
Она шить и штопать может,
А что возраст? Не беда!

Чередой приходит лето,
А там – осень и зима.
Белый снег припудрит ветки,
Снежной бури кутерьма.

Замело поля, дубравы –
Холод, снег справляют пир.
С ними – новые забавы
Обретает детский мир.

Рядом горка ледяная,
Там всегда веселый смех.
Раз пришла пора такая –
Санки катятся у всех.

У кого их нет – ледянку
Приспособит – шире круг!
Лапу, веселясь, к ней тянет
Собачонка – верный друг.

Дружно катится орава,
Каждый славится игрок:
То налево, то направо
Полетит порой в сугроб.

И, как водится, на горке
Марине среди подруг.
В ледяных и снежных корках,
Как медведь, возникнет вдруг.

Валенки обледенели,
Тук-тук-тук! стучат.
– А ма!..
Их снимает еле-еле
Даже бабушка сама.

Она внучку обнимает,
Приласкает от души
И в тарелку наливает
Для нее из печки щи.

3. В Кундюковке

Время новое в те годы
Всех сельчан звало вперед.
И обратного нет хода –
Встал, воспрянул сам народ.

И сказали люди гордо:
«Мы отныне – не рабы!».
И свершилось в эти годы:
Нет в пути иной судьбы.

Впрочем, так и было нужно, –
Все пошло на новый лад:
За букварь садились дружно
Всем селом – и стар, и млад.

Между тем отец заочно
Педагогом школьным стал.
Он об этом денно-ношно
Еще в юности мечтал.

Был ликбез. Гранит науки
Грыз в Симбирске – славный груз.
И «догрыз» там не от скуки
Знаменитый школьный курс.

Носит Яковлева имя
Эта школа неспроста.
Были славными такими
Педагоги в те года.

И когда в чувашской школе
Получил отец диплом,
В Кунтиков по доброй воле
Был затем направлен он.

Так зовут село чуваши
Кундюковку – Кунтиков.
Все равно оно ведь наше, –
Был отец, конечно, прав.

Перемены, переезды
Прибавляют всем хлопот.
С ними связаны все беды,
Прошибет соленый пот.

Были трудности большие,
Был в семье переполох.
А проблемы разрешили
Постепенно, без подвох.

Новый штрих, судьбы веленье,
Новый жизненный размах,
Неплохое поселенье
Кунтиков в степных краях.

Разливается Свияга
Далеко в степную ширь,
Благо принесет трудягам
На земле чувашский мир.

Благодатная природа,
Замечательный пейзаж.
Хлеба сколько вам угодно
На зерно и на фураж.

Трактора в колхозном поле
Появились, и с тех пор
У крестьян нужды нет боле, –
Животины полон двор.

То ли будет завтра! Каждый
Ожиданьями живет,
С думой светлою и важной
Да с расчетом наперед.

Иван Яковлев когда-то
Поглощен был весь трудом,
Школу строил. Эту дату
Крепко помнит каждый дом.

Краснокаменное зданье –
Дом стоит особняком.
По народному преданью
Добрый дух вселился в нем.

Посещал я эту школу,
Приезжая иногда
По своей, по доброй воле
В свои юные годы.

Просветитель в старом мире
Позаботился о том,
Для учителя квартира
Чтоб была, или же – дом.

Жил, притом его любили,
В старой школе наш земляк
Иртемеев был, Василий –
В жизни новой добрый знак.

Дети в Кунтиков ходили
Из Кайсарова тогда.
В школе вместе дружно жили.
Тесновато? Не беда!

День и ночь крепилась дружба,
Принося свои плоды.
А друзьям ничто не чуждо,
Даже смелые мечты.

Пред глазами незнакомый
Парень в том ряду стоял.
Молодой учитель, скромный
Ему в жизнь путевку дал.

А теперь в чувашском мире,
И не только там, считай,
Сын Леонтия – Владимир –
Всем известным стал, Садай.

И еще за школьной партой
Парень много преуспел.
У доски или у карты
Отвечать всегда умел.

Был начитан и свободно
Он оттачивал слова;
И ложились буквы ровно,
Как на ткани кружева.

Как у Горького был почерк,
Подражая, был он мил.
Написав рассказ иль очерк,
Чубом длинным дорожил.

Он себя искал на сцене,
В сочинениях своих,
Убирал и хлеб, и сено
Летом в поле за двоих.

В пьесе земляка Калгана
Он играл Сатая роль,
Врачевав чужую рану,
Принимал чужую боль.

Звали все с тех пор Садаем, –
Вот откуда псевдоним!
И таким его мы знаем,
Уважаем, помним, чтим.

* * *

А учителя повестка
Ожидала у ворот.
Изменила она резко
Юной жизни поворот.

В благодатном нашем крае,
Чтоб спокойно людям жить
Позвала страна родная
В Красной Армии служить.

Получив повестку скоро,
Муж сказал своей жене:
– Будет дом родной опорой,
Я иду служить стране.

Сообщил отцу депешей:
– Приезжай к нам поскорей.
Провожать, не ходом пешим,
На подводе за семьей.

Вскоре прибыл своим ходом
К сыну, крепкий бородач.
На прощанье руку подал,
Пожелал во всем удач.

Дети рано все проснулись.
Им сказал отец:
– Пора!..
И без слов уж прояснилось, –
Все серьезно, не игра...

Говорил отец, лаская,
Обращаясь к Марине:
– Ах, какая ты большая
Стала!.. Ну, иди ко мне.

Слушай маму, слушай деда...
И добавил еще он:
– И пройдут все наши беды
Скоро, как короткий сон...

И когда отец уехал,
Собрался и дед домой.
Скарб домашний вез с успехом
По дороге столбовой.

4. Возвращение

Иноходцем скачет времяя,
Так же скачет, где отец;
В Алгашах тугое стремя
Натянулось, наконец.

Дома Марине и мама;
И подруги тут как тут.
Заняты они делами,
В играх времечко ведут.

И летит оно, как птица, –
Завтра в школу им пора.
И по-прежнему развится
Возле дома детвора.

Сумку мать нашла отцову,
Где-то и букварь нашла.
С Любкой будет в юбке новой,
Кстати, вот сама пришла.

Посидела на кровати,
Говорила с Марине:
– Как? Готовы ли тетрадки?
Что обдумала, что нет?

Что одеть-обуть наутро?
Повязать какой платок?
Платье, ленты... Все, как будто...
В туфлях – шелковый шнурок.

Вот, наверное, все готово,
Ведь проверено не раз.
Не хватает слов. И снова
Выбирать их в нужный час.

Ночь пришла. Ушла подруга,
Все проверено притом.
Погрузилась в сон округа,
Дочь уснула крепким сном.

Наступило утро. Солнце
Улыбается вдали.
Ярко светится в оконце –
Торопиться всем велит.

Осторожно мать подходит
Тихим шагом к Марине.
Спит еще дочурка, вроде,
Улыбается во сне.

Разбудить, однако, надо,
Кличет школьная пора.
Поспеши, родное чадо, –
Детский гомон у двора.

Сердце матери не в силах
Удержать восторг такой.
Кровь клокочет в ее жилах,
Дочь, проснись и успокой.

Мать тихонько разбудила
Марине:
– Ну, и дела...
И неведомая сила
Их в то утро завела.

Марине послушно встала,
Прибралась и собралась.
Улыбаясь, побежала
Рано в школу. В первый класс.

Слезы радости скрыть силясь,
Долго глядя ей восслед,
Мама с бабкой прослезились,
Прослезился старый дед.

* * *

Думы, новые заботы...
С того дня все началось.
А учеба, что работа –
Перестроиться пришлось.

Не простое это дело
Правильно писать, читать.
Буквы следует умело,
Строго в рамочку вписать.

И когда поставишь рядом –
Образуются слова.
И задания есть на дом,
Чтоб запомнить – голова.

И как будто шепчет кто-то
Сокровенный свой секрет.
Головой чуть поработай –
Никаких секретов нет.

Марине уже читает
Все слова по букварию.
Пишет, правильно считает –
Я вам правду говорю.

Как бы радовался папа
Ныне за родную дочь...
На дворе чуть дождь покапал
В эту памятную ночь.

Дед, бабуля дома ждали,
Молча, слов не говоря.
Даже мама волновалась,
Оказалось, что не зря.

– Прочитай, – сказала мама, –
Письмецо прислал отец.
Умной стала, дочь, ты самой,
Славный грамотей и чтец.

Знать, сама все прочитала,
Повторила им всем вслух.
Все прочла я им сначала, –
Там царил единый дух.

5. Письмо отца

«Добрый день, жена Агафья,
Мать, отец и Марине,
Думаю, что буду прав я:
Вы скучаете по мне.

Как там малыши-кровинки –
Валентина, Роберт – сын?
Для меня здесь все в новинку,
В службе – самый младший чин.

Мы на западной границе
Служим, на передовой.
А «покой нам только снится»,
Как сказал поэт большой.

На границе беспокойно,
Сышен тут шакалов лай.
Служим все мы здесь достойно.
Вот прошел и месяц май.

Ну, а если что неладно —
Кинется в огонь любой.
Волчым стаям неповадно
Будет — коль пойдем мы в бой.

Встретились мы с Николаем
Неожиданно вчера.
С ним вам вместе пожелаем
И здоровья, и добра.

Он здесь служит на границе
Брат твой, рядышком со мной...
Пролетит пусть время птицей
К нашей радости земной.

Ждите нас, родные люди,
Счастье нам принадлежит.
Скоро все мы вместе будем
Под одною крышей жить».

Отец с дядей приписали
Крупной буквой Марине,
Чтоб сама она читала
Здесь, в домашней тишине.

Приведем и эти строки,
Адресованные ей:
«Марине, наступят сроки,
Мы увидимся, ей-ей.

А пока учись прилежно,
Помни нас, не забывай,
Полюби ты старших нежно,
Младших тоже уважай».

6. Война

А когда в июне густо
Дышит сад, цветут луга,
Акатуй или по-русски
Разыграются «бега».

И Нагаткино Большое
Возбуждается с утра.
Как невиданное шоу
Летней ночью у костра.

Величава, как о берег,
Бьет народная волна.
Со всего района с верой
Набирает сил она.

Шум людской и топот конский
Раздается тут и там.
И хлопот недаром столько
Вызывает этот гам.

Как на свадьбу нарядили
Все наездники коней.
Думу думали и жили
Они с этим сколько дней!

Силу тратили недаром,
Есть что миру показать.
Всем им каждый благодарен,
Так держать, земная рать!

Акатуй – есть свадьба плуга
С древней матушкой-землей,
Праздник сеятеля-друга, –
Значит, праздник наш с тобой.

Потому принарядились
Хлеборобы-молодцы.
Так на праздник свой ходили
В прошлом деды и отцы.

Ныне ленты красят дуги,
Колокольчики звенят.
Дружно сельские подруги
Хором песню голосят.

«Едем, девушки на дышлах,
Едем дружно на бега...»
Очень зычной песня вышла,
Улетела за луга.

Льется радостно на зависть
Провожавшим у двора.
Лишь вдогонку привязалась
По дороге детвора.

...Марине недавно летом
Во второй класс перешла.
Не в хвальбу сказать при этом,
Часть программы обошла.

Намекнув, сказала мама,
Как в награду, чуть слегка:
– Собирайся, дочка, с нами
Завтра утром на бега.

На удачу и в придачу,
С тетушкой-соседкой пусть,
На коне, а не на кляче
Все втроем держали путь.

На дворе год сорок первый,
Роковой уже стоял.
Но спокойны были нервы,
Мир пока что не стоnal.

Подкатилась вдруг телега
Ко двору в такую рань.
Все прощались с нежной негой,
Отдавая миру дань.

Марине и рядом мама
Сели, наблюдают всласть.
Села молодежь рядами,
Вскоре песня понеслась!

Едут весело и с песней,
Будто прямо на Москву.
Нету песни той чудесней,
Будто сказка наяву.

По обочинам дороги
Зреют тучные хлеба.
И уборка на пороге,
На лугах идет косьба.

Колокольчики в зените?
Даже дети узнают,
В наших селах, извините, –
Жаворонки так поют.

А телега дальше мчится,
Дует легкий ветерок.
По дороге пыль клубится, –
Все уймется, дайте срок.

Видны скирды... Что такое?
Это русское село
Есть Нагаткино Большое,
В нем живется весело.

Хоть не город, а райцентр,
Есть кирпичные дома.
Ипподром в двух километрах
Видит Марине сама.

Люди тянутся потоком
Через мост на ипподром.
Кто верхом, кто пешим ходом
На двоих своих гуськом.

Молодежь на карусели
Так и тянется с утра.
Парень с девушкой присели,
С папой, мамой – детвора.

Вот наездники выводят
Рысаков своих на старт.
По кругу недолго водят,
Разыграется азарт.

Марине, соседка с мамой
Далеки от всех утех.
Укрываются панамой,
Отдохнуть теперь не грех.

Девочке пить захотелось,
Говорит, горит нутро.
Ну, а раз такое дело,
Покупает мать ситро.

Старта ждут... Как это можно?
Нет сигнала... Вот те на!
Кто-то произнес тревожно
Слово страшное:
– Война!..

Было вот такое дело...
Что творилось тут вокруг!
Сердце горечью заело,
Плач и стон кругом, мой друг!

Всех коней вдруг повернули, –
Не забыть тех скорбных дней.
Были слезы, песни были
Провожающих людей.

7. На колхозной ниве

Словно шулер наглый, хитрый,
Змей Горыныч неземной,
Развязал войну нам Гитлер,
Завязался страшный бой.

Вражьи стаи прилетели,
Невзначай пришла беда.
Бомбы падали, горели
Селы наши, города.

От нашествия страдали
Наши дети, старики.
Долго молча отступали,
Жертвы были велики.

Лихо все с лихвой хлебнули,
Силы были не равны.
Эхом долетели пули
Неизбежно в глубь страны.

Нас осилят вражьи бомбы?
И восторжествует зло?
Нашим, каждый это помнит,
Явно, что не повезло.

Вот война какая стерва!..
Днем и ночью напролет
Пополняются резервы,
Отправляются на фронт.

Как и все жила Агафья
Одной думою полна:
«Сохраню семью, так как я
С ребятишками одна?»

Как там муж теперь на фронте?
Что-то долго нет вестей...».
Сколько их, вопросов тонких,
С каждым днем бьют все больней.

Все в большой тревоге ныне.
Что тут скажешь? Трудно всем.
Кто-то ждет вестей от сына,
Кто-то в трауре совсем.

Ну, а жить-то надо все же
Ради будущей страны.
Помогать ей кто как сможет, –
Мы своим трудом сильны.

Вот за что теперь в ответе
От того и стар, и млад.
Нет больней беды на свете,
Просто, нет пути назад.

Всем селом на хлебном поле
От зари и до зари –
Фронт и тыл близки до боли:
Сила, что ни говори.

Мать, как все, на жатву ходит
И со всеми наравне.
Там, где руки не доходят –
Помогает Марине.

И неплохо овладела
И косою, и серпом.
Совершенству нет предела
Говорят, но суть не в том.

Главное, она при деле,
Словно с чистого листа.
Силы были на пределе,
Зато совестью чиста.

И за жнейкой поспевала –
Были тем собой горды.
В поле дети возмужали,
На току росли скирды.

Приходилось жать вручную,
Как в старинку, и серпом.
Жала днем напропалую,
Ночь спала глубоким сном.

Лишь приятно улыбалась,
Когда старый бригадир
Чуть похвалит, как бывало,
Словно – жизни эликсир.

Пустовал наполовину
Даже сельский конный двор.
Принимал фронт в ту годину
И коней, как на подбор.

И тогда свою корову
Запрягал сметливый дед.
Марине при деле снова, –
На семь бед один ответ.

Так вдвоем, с утра до ночи,
И без лишней суety
Ежедневно, что есть мочи,
Снопы возят для скирды.

Старику пришлось тут тухо,
Надорвался, занемог.
Врачевать взялась супруга, –
Наконец совсем он слег.

Бабушка травой лечила,
А таблеток не нашла.
Хворь его свела в могилу,
В отчий дом беда пришла.

Шум тем временем на ниве
На минуту не стихал.
Кто пахал, кто сеял живо,
Кто колосья собирал.

Молотилка хлеб молотит
На току и день, и ночь.
Из подростков кто не хочет
Взрослым там и тут помочь?

Марине и здесь, заметьте,
Всем другим тон задает.
И подруги с нею вместе,
Кто замешкался – не в счет.

Снова в школу! Снова осень
И веселая пора.
Новое с собой приносит,
Как повсюду, детвора.

Как на полюсе, катилась
В сорок первый год зима:
Никому во сне не снилось, —
Холод, снега кутерьма.

Но не выглядели сиро,
Всем назло хотелось жить.
Продолжали люди скирды
В поле снежном молотить.

«Все — на фронт! Все — для Победы!» —
Всемогущий лозунг был.
Отступали даже беды
Перед ним. Никто не ныл.

И не только хлеб был нужен
Там, на фронте, для бойца.
Теплой обуви от стужи
И одежду без конца.

И носки в домах вязали
Бабы наши по ночам.
Дети в руки спицы взяли, —
Мне ль сказать об этом вам?

Валенки валяли, шили
Шубы теплые в домах.
По военным меркам жили
Стар и млад и в Алгашах.

Дети в школе все старались
По возможностям своим,
От занятий отрываясь, —
Помогать хотелось им.

Как умела, вышивала
Марине в те дни платок.
Красной ниткою вписала
Пару стихотворных строк:

«Пусть вас храбрость не покинет,
Отомсти врагу, солдат!
Пусть сокрушат их и сгинет
Навсегда фашистский гад!»

* * *

Долго длилась — днем и ночью —
Та кровавая война.
В сердце каждом кровоточит
До сих пор не зря она.

Отражались эти годы
Такой болью и трудом.
Трудно было всем народам,
Горемыкал каждый дом.

Так военное вот детство
Там прошло у Марине.
Это крохотное действие
Было нужно всей стране.

Потому оно ценилось
У народа моего.
Лучшей доли и не снилось,
Было всем не до того.

То ли на капустной грядке,
То ли в поле длились дни.
Шел доход семье порядком
Кое-что на трудодни.

В пофамильном списке пропуск,
Точно, не был никогда.
И не знал никто про отпуск
В те военные годы.

На лугу косила сено
Рядом с матерью косой.
Все работали без лени
И с открытою душой.

Скоро крепко серп держала
И уверенной рукой
Хлеб со всеми убирала
Знойной летнею порой.

А когда народ устанет,
Сядет малость в стороне,
Песню складную затянет
С группой вместе Марине.

Бригадир с саженью ходит,
Посмотрев в глаза всерьез, –
Как-никак итог подводит,
Кто отстал – вот в чем вопрос!

Самый лучший показатель,
Как всегда, у Марине.
Как приятно, мой читатель,
Было ей и всей родне.

Так прошли, в ином ли роде,
Те военные года.
Будут жить они в народе,
Не исчезнут никогда.

8. Медаль

Кончилась война. Победа
Воссияла на Земле.
Позади – все наши беды,
Не исчезли мы во мгле.

Возвращаются солдаты
С поля брани – кто живой,
Чтоб в работу, как когда-то
Окунуться с головой.

Не зажили еще раны,
Пусть усталостью томим,
В мирный труд стремились рьяно,
Ближе к родине, к своим.

На груди у всех – медали,
Боевые ордена.
Они честно воевали,
Благодарна им страна.

Земляки, родные вскоре
Их встречают у ворот.
И опять людское море,
Развеселый хоровод.

Кто от счастья мочит очи,
Кто от горестных потерь.
Женам, детям нету мочи –
Как оплакивать теперь?

Плачет мать, но все не верит,
Сына ждет день ото дня.
Скорбно косится на двери,
Образ светлый все храня.

Лишь во сне теперь судачат
С сыном мать, его семья.
Оттого сироты плачут,
Плачет тихо мать-земля.

Ну, а та беда, поверьте,
Дом в низине обошла.
И однажды весть в конверте
Почтальонка принесла.

Все страдали – не гадали
Обернется что и как.
Всю войну вестей так ждали,
А они не шли никак.

Все равно с надеждой жили
Мать, жена и Марине.
Те же, кто поменьше были,
Грезили об этом дне.

Угасала и надежда, –
Что греха таить? Отец,
Всю войну молчавший прежде,
Объявился наконец.

Про себя писал он кратко –
Жив-здоров и невредим.
Путь войны прошел не гладко,
Горе мыкал не один.

Тяжко было. Отступали
Красной Армии бойцы.
Многие в боях тех пали, –
Плечи резали ранцы.

Дрался в части Кирпоноса⁸,
Не на жизнь, считай, насмерть.
По оврагам по откосам
Дерзкий враг прошел, как смерчь.

Они были в окруженье –
Дни и ночи напролет.
Вот такое положенье, –
Вот такой вот переплет.

Был арест и плен, концлагерь.
Кто казнен, кто был сожжен.
Под конец под красным флагом
Кто живой – освобожден.

Это – тема для романа,
Для трагедии равно.
Говорю вам без обмана,
Правду – то-то и оно!

Молодые свои годы
Я писал такую вещь.
Но не отдавая моде
Дань. Чтоб память ту сберечь.

Всходы добрые я сеял,
Выражая боль в стихах.
Нашу с вами «одиссею»,
Где при свете, где впотьмах.

Довершил солдат в Берлине
Подвиг свой. Не нам судить,
Что он думал в ту годину,
Собираясь жить, творить.

Скоро всем на удивленье,
Распахнув родную дверь,
Наконец всему свершенью
Ставил точку он теперь.

У отца в объятьях крепких
Вся сияет Марине.
В памяти осталось цепко
Это утро, как во сне.

На груди отца-солдата,
Как у всех, была медаль.
Сохранит он землю свято,
Сам до нас не дожил, жаль.

День Победы отмечала
Вся советская страна.
Мирный подвиг продолжала
С безупречностью она.

А затем на сходе в школе
Был отмечен, как герой,
Кто выращивал хлеб в поле
Той суровою порой.

Кто медаль, кто орден добыл
Доблестью, как тот солдат, –
Труд сей, подвигу подобен,
Значит, воину собрат.

Среди взрослых тут сидела
Ученица Марине.
А в конце же, в самом деле,
Пару слов, позвольте мне.

Ради славы ль кровью, потом
Каждый землю поливал?
Подвигал народ на подвиг
Самый светлый идеал.

Она тоже заслужила
За труд доблестный медаль.
Сердце радостно лишь билось,
А глаза смотрели вдаль.

Есть военные медали,
Есть за труд медали... Но
Отливают из металла,
Из металла одного.

Что тут скажешь? Вся Европа
Нам обязана, друзья.
Факт озвучим сей не робко, –
Отрицать его нельзя.

9. Рождение поэта

Хведер – из другой деревни
Парень. Тоже в Алгашах
Учится. Но, к сожалению,
Сирота. В худых лаптях.

Верст так пять, пожалуй, будет
От села и до села.
Мать все трудности забудет, –
Думой лишь о нем жила.

Путь, конечно же, неважный
Натощак ходить пешком.
Его выдержит не каждый, –
И нехватки тут кругом.

Но вначале много было
Одноклассников в пути.
Постепенно ветром сдуло
Их, желающих идти.

Хоть учиться всем хотелось,
Не у всех пошли дела.
Путь продолжить не сумели,
Впрочем, бедность подвела.

Двоое-трое лишь остались
Смелых, твердых до конца.
Им компанию составил
Хведер, рос хоть без отца.

Ему нравится учеба,
Изучать родной язык.
Овладеть настолько, чтобы
Никогда и не отвык.

Так, впервые понаслыше
Про Нарспи узнал из уст.
Скоро выучил по книжке
Всю поэму наизусть.

А учительница в классе⁹
Знала автора сама.
О какое это счастье! –
Дети были без ума.

Рассказала о поэте,
Как свидетель старины,
Достоверны факты эти,
А не взгляд со стороны.

Все былое к сердцу близко,
То сенсация была.
В славном городе Симбирске
О поэме слава шла.

Иванов, поэт наш, классик,
И учителем он был.
Все его любили в классе,
Он и сам детей любил.

А однажды порученье
Дал им, кажется, не зря –
Написать стихотворенье
Иль рассказ для букваря.

И учитель вспоминала,
Называя свой рассказ.
Она Яковлева знала,
И встречалась с ним не раз.

Из деревни Кошки оба
Они были. Оттого
«Внучкой» звал ее, особо
К ней был чуток до того!..

Класс умолк. Затих и шорох.
Словно свежая струя
Впечатляет. Ценный ворох
Дум, по правде говоря.

Про кружок заговорила
Между делом как-то раз.
Слов магическая сила
Захватила сразу нас.

Записались очень дружно
В тот кружок ученики.
Для начала, что и нужно, –
Были рады новички.

На столе лежала книга –
Необычный толстый том.
И учительница мигом
Бросила свой взор кругом.

– Для начала б нам не худо
Сказку Пушкина прочесть...
Сразу класс притих – о чудо! –
Тут для всех хоть что-то есть.

С чувством прочитав, как нужно,
По-чувашски чудный текст,
Говорила:

– Даже Пушкин
Знал язык наш, так и есть...

Прочитав, подлила словно,
Так нежна была душа...
Ей поверили дословно,
Все сидели, чуть дыша.

«У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...»

Необычно и красиво,
А простые же слова...
Тут у Хведера, на диво,
Закружилась голова.

Размышляя вдруг о чем-то,
Мысль душу обожгла:
Что она-то лишь экспромтом
Текст сама перевела.

Знать, язык чувашский тоже
Будет гениев рожать,
Коль на нем любой, кто сможет
Мысли емко выражать.

Почему бы мне, к примеру,
Не попробовать писать?
Для начала в свою меру,
Для себя, не издавать.

И процесс тот долго длился,
Словно чудо, наконец
В классе свой поэт родился,
Доморощенный певец.

10. Любовь

*О любовь, любовь моя,
Ты, как молния, сильна.
Молния – на миг, на два,
А любовь навек жива.*

(Из чувашской народной песни)

Перед Хведером за партой
Марине всегда видна.
То за книгой, то за картой
Обернется вдруг она.

Косы длинные и пряди
К себе тянут, как магнит.
Ленты же в ее наряде
Придают прелестный вид.

И сатиновое платье
Милой девушке идет
(Ровно гладжено, без складок).
Хорошо себя ведет.

Зубы белые, как сахар,
Губы – алые цветы.
Заворожат, словно зонарь,
Эти милые черты.

Глаза карие в придачу
Украшают светлый лик.
Парень просто озадачен,
В них тонуть – соблазн велик.

Словно сам великий классик,
Всеми признанный поэт,
Описал в «Нарспи» здесь, в классе,
Героини сей портрет.

Марине сама случайно,
По-соседски, так сказать, –
Оборачиваясь к парню,
Просит помочь оказать.

И не может быть иначе.
Хведер рад. Какой вопрос?!
Просьбы девушки тем чаще,
Парень сам в учебе рос.

Но бывают затрудненья
В этой части иногда.
Или просто невезенье, –
Даже это не беда.

Главное весьма отрадно
С ней общаться от души.
Каждый взгляд ее как праздник, –
Хоть поэму тут пиши!

Как сказать ей вслух об этом?
Одно слово лишь: «Люблю!»
Ночью он в письме секретном
Душу выложил свою.

Письмо Хведера

«Здравствуй, милая подружка!
Разреши так называть.
Не вини за то, не нужно,
Дай мне слово лишь сказать.

Ты мои прими приветы,
Лишь не смейся, Марине.
В день, когда я понял это,
Вновь родился, как во сне.

С той поры огонь пылает
Пламенем в моей душе.
Как мне быть теперь? Не знаю!
Мочи больше нет уже.

Только ты теперь поможешь
Погасить мне тот огонь.
Помоги мне, если сможешь,
А любовь оставь, не тронь.

День и ночь твой образ милый
Не дает покоя мне.
Без тебя же я без силы,
А с тобой сильней вдвойне.

Но об этом я, признаться,
Не посмел тебе сказать.
Я люблю тебя! Вот вкратце!
Как еще мне доказать?

Напиши ты мне об этом,
Лишь записку напиши.
Под большим пишу секретом
Дома я в ночной тиши.

Что сказать мне в этот вечер,
Закругляя письмецо?
Это я пишу, твой Хведер,
Друг сердечный на лицо».

Так решился на посланье
Начинающий поэт.
Предсказать что-либо рано:
Есть надежда или нет?

Ранним утром, как и надо,
Сжав письмо свое в кулак,
Кинул разом адресату –
Получилось все не так.

Тут не рассчитал он малость,
Про себя воскликнул: «Ах!..»
К сожалению, оказалось
То письмо в чужих руках.

Не успев моргнуть и глазом,
Эта первая любовь
На виду раскрылась разом,
Вызывая в сердце боль.

11. Прощание

Тучи вскоре отступили
Солнце красное взошло.
Дни прощанья наступили,
Быстро времечко прошло.

По традиции, прощались
С школою выпускники.
Их достойно замещали
Младшие ученики.

Оттого здесь, в школьном зале,
Музыка звучит с утра.
Хочется сказать не мало,
С пожеланием добра.

У ребят в душе и радость,
Затаилась в сердце грусть.
Впереди, жалеть не надо,
Ожидает светлый путь.

Ведь всегда одна шарада,
Непростая штука жизнь.
Сотканы в ней грусть и радость,
Крепко за нее держись.

А сегодня в школе праздник –
Не грусти, не унывай.
Песню пой о днях прекрасных
И друзей не забывай.

...Умудренная с годами,
Им учитель говорит –
Уважаемая дама –
А в глазах огонь горит.

Назвала всех поименно,
И вручила ценный лист.
Отзывааясь непременно,
Хведер тоже был речист.

В этот раз в стихах сказал он,
То, что выразить не смог.
Тишина... А зал был полон,
Пробежал по жилам ток.

Всем друзьям своим он школьным
Посвятил свои стихи.
Воспитателям тем скромным,
Кто прощать умел грехи.

Кто сидел, следил за этим,
Тот заметил тонкий штрих:
То девчат слышны секреты,
То внезапно зал притих.

Марине сидела рядом,
Молча слушала она.
Провожала парня взглядом, –
На дворе была весна.

Тут учительница встала,
А в глазах ее – слеза.
И платочком утирала
Повлажневшие глаза.

И совсем не высокопарно
Кратко вымолвила речь,
Чтоб огонь, как благодарность,
В молодых сердцах зажечь.

А к Хведеру обращаясь,
Поднесла она конверт.
С теплым чувством попрощались
Парни-девушки в ответ.

* * *

Появился Хведер дома.
Весь взволнован, счастлив он.
Рада мать сынку родному,
Все как будто чудный сон.

Он показывает маме
Свой загадочный конверт.
Все не выразить словами,
Что пригож весь белый свет.

Оказалась там купюра –
Ровно пятьдесят рублей.
И де-факто, и де-юре:
Кто б подумал, ей-же-ей!

Оказалось ровно столько
Сына первый «гонорар».
Деньги – зло, он знал поскольку,
В то же время и товар.

«Что теперь мне делать? Видишь?..» –
Размышлял. Но вскоре мать
Подсказала: «Ладно. Будешь
Себе обувь покупать».

С этой целью неотложно
Побежал сын в магазин.
Выбирать ботинки сложно,
Покупал он их один.

Второпях и не померил,
Возвращался сам не свой.
Велики? Себе не верил.
Подсказала мать:
– Постой!..

Не жалей, сынок, будь весел,
Скоро будут в аккурат...
Лапти сын в чулан повесил,
Как музейный экспонат.

Через долгие годы
(Эпилог)

Век наш – полная река
И течет та долго –
Широка и глубока,
Словно наша Волга.

И с тех пор прошли года,
Как на Волге волны.
И, как там, – кругом вода,
Берега все полны.

Пятьдесят немалых лет –
Век для человека.
Вот, читатель, мой ответ,
Сам с того я века.

Были горести в те дни,
Были и ошибки.
Хведер не лежал в тени,
Память не отшибло.

Школу среднюю тогда
Он успешно кончил.
А годы шли, как всегда,
Дни прошли и ночи.

К сожалению, через год
Мать ушла из жизни.
Знать, судьба такая вот, –
Все теряем близких.

И с тех пор не повезло
Ему в жизни тоже.
Одиночество пришло –
Кто теперь поможет?

Жаль расправить не успел
Парень свои крылья.
В захолустье он засел,
А задумки были.

Еще в школьные годы
Он писал в газету.
Журналистом стать тогда
Он мечтал, заметьте.

А в редакции – Садай,
Молодой писатель.
Стал учителем, считай,
Добрый был приятель.

Он газету выпускал
Небольшую эту.
Денно-ношно пар пускал
За гроши-монеты.

Он один тянул свой воз, –
Эдакое дело!
И стихи свои отнес
Хведер к нему смело.

А Садай печатал их
И давал советы.
За столом сидел он тих –
Только суть не в этом.

Справедливость он любил,
Был по-братьски чуток.
Дружбой дорожил, был мил,
Жить не мог без шуток.

Парень, словом, хоть куда;
Не сказал о главном –
Междуделом, он тогда
Бился над романом.

В «Родной Волге» тот роман
Был опубликован.
В Чебоксары вскоре сам
Был мобилизован.

В дополненье ко всему
Мне сказать осталось:
Эстафета-то ему,
Хведеру, досталась.

Дело трудное порой
Низовой печати
Скромно делал мой герой,
С вызовом отчасти.

Были трудности подчас,
Одолел и сдюжил.
Был настойчив он у нас,
Не сдавался, выжил.

И не только выживал,
Укрощая время,
На гора он выдавал
И стихи, поэмы.

Посыпал в «Ялав» притом,
Там их почитали.
Может быть, в журнале том
Вы их прочитали.

Но поэтом он не стал,
Рос довольно трудно.
А в билете отказал
Раз чиновник нудный.

В кресло теплое засел
Не талант, а щука.
Парня заживо он съел –
Вот такая штука.

В Чебоксары не попал,
Хоть был болен ими.
И по-прежнему писал
В райгазете имя.

Что о прошлом рассказать?
Ворошить не надо.
Так случилось, а как знать
Где всегда нам рады?

Время – лучший лекарь-врач,
Это знает каждый.
Излечить от неудач
Сможет не однажды.

Голод, холод перенес
Хведер в пути трудном.
Крест он свой достойно нес,
Слушал голос трубный.

Марине он провожал
В дальнюю дорогу.
На прощанье руку жал,
Шли затем не в ногу.

И встречались лишь во сне,
Вдалеке скучали.
Грезились им по весне
Голубые дали.

Жил один, холостяком,
Все в нужде он бился.
Неожиданно потом
Взял да и женился.

Со супругой молодой
Тихо, мирно жили.
Впрочем, у семьи такой
Дети тоже были.

Новый «царь» – генсек Хрущев
Ввел порядок новый.
Что о нем сказать еще?
А король был ... голый.

И «бояре» в города
Убегли. Там вскоре
Жили праздно господа,
Без забот и горя.

Что в деревне? Как всегда,
Избы да трущобы.
Смертным горе не беда,
Им забот еще бы.

И квартира в том году
Хведеру досталась.
Он почти извел беду,
Поправлялся малость.

Хоть и старый особняк,
И «бояре» жили
Под той крышей точно так,
Вовсе не тужили.

Хведер был доволен тем, –
Улыбнулось счастье.
Что скрывать, везет не всем
По бытовой части.

И еще прошли года,
Словно в небе тучи.
Отшумели навсегда
Не в ущерб, не лучше.

Дети выросли. Потом
Разошлись по свету.
А талант? Оброс он мхом,
И таланта нету.

Так устроен человек,
В жизни так бывает.
Со своей супругой век
Хведер доживает.

Их преследуют теперь
Старческие хвори.
А тут дочь настигла смерть –
Эдакое горе!

Она старшая была,
Сыновей растила.
Их, двоих, сестра взяла
И усыновила.

Беда ходит не одна –
Тому фактов море.
Неожиданно жена
Умерла от горя.

Хведер снова одинок,
Снова в доме горе!
Одинокий, как членок,
В бесконечном море.

Что семья? Моя страна
Вся была разбита.
Где родная сторона?
Где дорога? Скрыта!

Шапку с головы долой!
Возвращайся к свету!
Шел поэт один домой,
С думой без ответа.

Улеглась сей жизни муть
Снова через годы.
Снова Хведер держит путь,
Снова при народе.

В Чебоксарах есть друзья,
Есть пока и порох.
Без друзей никак нельзя
Выжить в эту пору.

И тогда он Марине
Там случайно встретил.
Это было в тишине,
Но при ярком свете.

Вдруг заметил впереди
Кругленькую даму.
Сохранилась в ней почти
Молодость с годами.

Не сдала она ничуть.
Красота под спудом?
А лицом похожа... Чур!..
Это просто чудо!

И, конечно же, она,
Марине! О Боже!
Сразу как же не узнал?
Милый друг мне тоже!

Чуть подкралась седина
И постригла косы.
В том: она иль не она –
Больше нет вопросов.

Бесподобный макияж –
Стала дамой видной.
С удивленьем Хведер наш
Кашлянул лишь в свитер.

И впивался в тишине
Глазом как на диво.
Была так же Марине,
Как заря, красива.

То же девичье лицо,
Тот же образ милый.
Вспомнил сельское крыльцо,
Что ночами снилось.

Здесь же, в городе, кафе...
Посидели малость.
Все, что было на душе
Тайной же осталось.

... Марине жила одна,
Проучилась долго.
Вуз окончила она
В городе на Волге.

И скиталась по стране,
Как порой бывает.
В чужедальной стороне,
Как душа желает.

В детском садике потом
В городе трудилась.
Молодость прошла на том,
Но недолго длилась.

Вышла замуж. Родила
Девочку на диво.
Так с годами и жила
И была счастлива.

Муж такой мастеровой,
Был простым рабочим.
Как за каменной стеной
Жили, между прочим.

К сожалению, он ушел
В мир иной так рано.
До сих пор шок не прошел,
Кровоточит раной.

Дочка замужем давно, –
Своя жизнь, дорога.
Нам другое уж дано,
Старость у порога.

Тут, в столице, у нее
Есть квартира, дача.
В жизни каждому свое
И еще в придачу.

И у Хведера теперь
Жизнь не мед, не сахар...
Перед ним открылась дверь,
Старый друг – не хахаль.

Шли в обнимку при луне,
Двое в целом мире.
Пригласила Марине
Гостя на квартиру.

Наконец произошло
То, что должно было.
Само время снизошло,
Оно тихо плыло.

... Что на свете всех сильней,
Даже самой смерти?
Властна лишь любовь над ней,
Вы, друзья, поверьте.

И мудра, крепка она
На всем белом свете.
Светит в небе, как луна,
Словно солнце светит.

Коли так, то пусть она
Счастье дарит людям.
Значит, с нею, старина,
Вечно вместе будем.

*2004 год,
август – сентябрь
с. Большое Нагаткино – Шинербоси –
Новочебоксарск*

ПРИМЕЧАНИЯ

В поэме «Марине» встречаются имена невымышленных персонажей. Вот они:

1. Митрофанов – Андрей Михайлович Митрофанов (1907–1974), один из первых механизаторов колхоза, долгие годы работал главным инженером.
2. Князькин – Николай Григорьевич Князькин (1919–1943), Герой Советского Союза, механик-водитель танка. В тридцатых годах прошлого века работал шофером в колхозе.
3. Шуреков – Никифор Афанасьевич Шуреков (1916–2010), доктор геологических и минералогических наук. Окончил Казанский университет. Жил в Воркуте.
4. Иван Корнилов – Иван Иванович Корнилов (1904–1976), доктор химических наук, профессор, лауреат Ленинской и Государственной премий. В детские годы обучался в Староалгашинской сельской школе.
5. Итесь – Виктор Васильевич Итесь (1903–?) геолог, брат первой чувашской поэтессы Вася Аниси.
6. Карсаков – Николай Иванович Карсаков (1929–1981), биолог, селекционер, доктор сельскохозяйственных наук, профессор.
7. Садай – Владимир Леонтьевич Цырульников (Садай) (1926–1991), известный чувашский писатель, лауреат премии Министерства обороны СССР.

8. «Дрался в части Кирпонос...».

Михаил Петрович Кирпонос (1892–1941), генерал-полковник, Герой Советского Союза. К началу Великой Отечественной – командующий Юго-Западным фронтом. В первые дни войны его войска были вынуждены отступать под натиском врага, неся большие потери. Погиб при выходе из окружения под Киевом.

9. « А учительница в классе...»

Пелагея Петровна Иванова (1895–1977) родоначальница учительской династии в Цильнинском районе Ульяновской области, кавалер ордена Ленина.

МУСА ДЖАЛИЛЬ
Поэма

*Славному сыну татарского народа,
Герою Советского Союза,
лауреату Ленинской премии,
пламенному патриоту,
автору бессмертных
«Маобитских тетрадей»,
написанных в застенках фашистов –
с благодарностью и любовью.*
Автор

Союз Советский был тогда,
Был полон сил.
И там родился в те года
Муса Джалиль.

Весенний цвет вблизи села
Был сердцу мил.
Весна перед юнцом цвела,
Мир старый сгнил.

Хотя и лютая зима
Ушла от нас.
Но сложно было нам ломать
Рутины наст.

И с верой светлою на свет
Пришел Муса,
Чтобы оставить яркий след,
Как бирюза.

Чтобы расстаться враз с нуждой,
Стихи слагал.
Искал с заветною мечтой
Свой идеал.

Москвы-столицы огонек,
Гори, сверкай!
Татарский славный паренек,
Давай, дерзай!

Есть там и университет, —
Красив, лучист.
И ты — теперь уже студент, —
Давай учись!

Ради друзей своих Муса
На все готов:
Один из них — чуваш Ухсай,
Другой — Долгов.

Они, как не разлей-вода,
Всегда втроем.
И все гордились, как всегда,
Родным Кремлем.

Они с единою мечтой
Неслись в зенит.
Одною связаны судьбой, —
Как монолит!

И вот уехал он в Казань —
Муса Джалиль,
Ведь рок дорогу указал
Туда, где жил.

Родимый дом, свой коллектив
Его там ждут.
Заветный стих, родной мотив —
Нелегкий труд.

Ну, а Долгов да и Ухсай
Полны забот.
Их также ждет чuvашский край,
Родной народ.

Здесь, в Чебоксарах, их талант
Еще видней.
Земля родимая дала
Таких людей!

Вот так трудились день за днем
Сыны страны.
Но враг их опалил огнем,
Огнем войны.

В три стороны ушли они
Под пушек вой.
И были страшными те дни
Всем, кто живой.

Друзья исполнили свой долг
Перед страной.
Далась Победа, как итог,
Большой ценой.

В судьбе Мусы случился крен,
Ты знаешь, друг:
К фашистам кровожадным в плен
Попал он вдруг.

Ему пришлось тогда страдать,
Палач пытал.
Не унывал поэт-солдат:
Стихи слагал.

Нет, не смогли бы и года
Мусу сберечь:
Избрал оружием тогда
Родную речь.

Когда к нему зашел палач,
Сказал Джалиль:
— Нет, не увидишь ты мой плач, —
Он слез не лил. —

— Не я напал на вас, а вы
Пришли с войной.
И не склоню я головы
Перед тобой!

И никогда я не продам
Родной народ.
Пощады нет у нас к врагам,
Сгниет ваш род!

А я же песней возвращусь
К родным лесам.
И после смерти отомщу
Фашистским псам...

Отчизна — дом мой, где я жил,
Судьбы оплот...
...Он с нами, здесь Муса Джалиль,
Вперед зовет!
2006, 6 ноября

И ПАХАРЬ, И ВОИН...

*Герою Советского Союза
Егору Терентьевичу Воробьеву*

Был весь в отца: стать хлеборобом,
Как он, ты в юности мечтал.
И стал трудолюбивым, добрым,
Ты за рулем зарю встречал.

Пахал и сеял хлеб, на ниве
И собирал ты урожай,
Пока под солнцем мирно жили,
Все были счастливы, считай.

Судьба не так распорядилась,
Отважным воином ты стал.
И эти годы долго длились,
Служил под воинский Устав.

Легли военные дороги
Сквозь клубы пыли и песка.
Дороги эти были долги,
Был вечный спутник — грусть-тоска.

И никакого послабенья —
Вдруг вероломная война!
И снова ваше поколенье
В боях — в опасности страна!

Был спрос с политрука особый,
Ведь шла священная война.
Свой вклад в Победу внес весомый,
Потери — не твоя вина.

И в логове добил ты зверя,
Не осрамил в боях свой род.
Открыл родного дома двери, —
Тобой гордится мой народ.

Быть иль не быть — вопрос извечный, —
Нам эти войны не забыть.
Мы помним всех живых и мертвых,
Мы твердо верили, что быть!

Все юбиляры рады, знаем,
И приглашением, и без.
Как матери достичь желаем
Столетний знаковый рубеж.
2008

ПОСЛЕСЛОВИЕ
*О поэзии
Анатолия Юмана*

«Чем привлекательно творчество Анатолия Юмана? Прежде всего интересен образный строй его поэм. Поэт стремится проникнуть в глубь веков, выворачивает пласти исторических вех своего народа. Исторические символы помогают ему смотреть на жизнь сквозь призму современности. Воплощению в жизнь поэтических идеалов помогают жизненный опыт, общая эрудиция поэта, хорошее знание мировой классики, литературы братских народов и, прежде всего, культуры соотечественников».

Алексей ВОРОБЬЕВ,
лауреат премии Чувашского
комсомола им. Миши Сеспеля

* * *

«У поэта Анатолия Юмана тонкая чувашская душа. Он хорошо владеет родным словом. Чутко слышит дыхание времени. Увиденное и выстраданное слагаются в стихи и поэмы».

Стихван ШАВЛЫ,
народный поэт Чувашии

* * *

«Анатолий Юман (Анатолий Фёдорович Ермилов) — один из безусловно даровитых поэтов, пришедших в последние годы в чувашскую литературу. Его произведения отличаются свежестью мысли и поэтическими находками, вдумчивым отношением к слову и знанием фольклора.

Впервые А.Юман обратил на себя внимание талантливой поэмой «Колыбель счастья», которая была опубликована в журнале «Ялав» и впоследствии вышла отдельной книгой. Глубокое знание родного языка, фольклорного материала чувашского народа, обычая, самой жизни — вот те черты, которыми выгодно отличается поэма».

*Мишиши ЮХМА,
народный писатель Чувашии,
лауреат премий Союза писателей СССР
и РСФСР*

* * *

«Мне нравится, что А. Юман верен своему краю, землякам, легендарному городу Ульяновску. Он много пишет о них, радуется их успехам. Поэт старается быть в гуще жизни своей области. Видимо, к этому его приучила газета. Это хорошая черта А. Юмана».

*Георгий Ефимов,
народный поэт Чувашии*

* * *

«Поэт — это не просто автор стихотворений. Это глубокий психолог, знаток человеческой души, носитель добра, воспитатель. Именно таким

мы знаем Анатолия Федоровича Ермилова (Юмана) — поэта, который неизменно покоряет читателей как старшего, так и молодого поколения. Секрет его успеха в искренности, правдивости в сочетании с лиризмом, душевностью его стихов.

Галина АФАНАСЬЕВА,
чувашский народный академик

* * *

Поэт Анатолий Юман известен не только у себя на малой родине и в Чувашской Республике, но и далеко за их пределами. Лирические герои произведений Анатолия Юмана — глубоко нравственные люди. На их положительном примере молодое поколение учится патриотизму, толерантности, трудолюбию, честности и порядочности. Произведения Анатолия Юмана всегда актуальны и злободневны, одним словом, они — современны. Академик Дмитрий Лихачев писал: «Современность — это не только настоящее, но и великое прошлое, нами воспринятое».

Анатолий СМОЛИН,
член Союза писателей России, поэт,
переводчик, драматург,
лауреат премий им. М. Сеспеля,
С. Эльгера, М. Трубиной (ЧР),
Ф. Карима (Башкортостан),
Г. Айги (г. Москва),
заслуженный работник культуры

Содержание

ОТ АВТОРА	6
Предисловие. ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА	7

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Старая ветла.....	11
Время	12
Встреча	13
Село моего детства	14
Языково.....	16
«Кто не вяз в песках, тот не пил воды...».	18
Апрель.....	20
10 (22) апреля 1870 года.....	21
Константину Иванову	22
Слеза поэта (1908).....	23
С утра торопимся мы в поле.....	24
Дедовы советы	26
Прорыв в бессмертие	
Подвиг Гагарина	29
Автограф космонавта	31
«... И мысль придет...»	33
Дороги	34
Земля	36
Мишши Сеспелю.....	38
«Родной язык! Мы часто вспоминаем...» .	39
Другу-журналисту.....	40
«Человек умеет все на свете...»	41

Осенние мотивы	42
Черная зима	44
Солнечный лик	46
Озарение	47
Та первая зима	48
«Нас мать одна в суровый час растила...»	51
«Как все вокруг, наверное, я жил...»	52
Айги.....	54
Храните дружбу, люди!	56
«Ах, какой чудесный сон приснился мне...»	57
Новому поколению	58
«Веру в счастье и в истину веру...»	59
«Уход отца потряс моих домашних...»	60
В.В. Афанасьеву	62
Сонеты.....	64
Возвращение	71
«Есть разных два таланта...».....	72
«Нет людей на свете и не будет...»	72
Сестре Раисе	73
 СОКРОВЕННОЕ.....	74
Тайван Чэлхе.....	74
Родной язык.....	75
Матери.....	77
Сон отца.....	78
Колыбельная	80
Из цикла «Тебе, моя первая любовь»	
Перевод А. Смолина	
«Мы в одном учились классе...».....	82
Письма	84

«Я во сне — и сокол, волен и велик...»	85
«Ты снова, как всегда, приснилась мне...»	86
«Я чёрной тушью вывел твой портрет...»	87
«Не говори мне: «Сны свои забудь»...»	88
Сокровенное.....	89
«Как опоре прочной тебе рад...».....	90
«Рука в руке, иду с тобою рядом...» ...	91
Четверостишия (Рубаи).....	92
Солнце	94
«Нас родила так нежно Мать-землица...»	95
Наставление молодым	96

СКОРБНЫЕ ЗВУКИ

«Уходят сутки птичей стаей...»	97
Реквием	98
«Мы детство трудное прошли, ровесник...».....	99
Прощальное слово.....	100
Учитель с большой буквы	101
Элегия	103
Сердце учителя	104

ПОЭМЫ

Памяти Якова Ухсая	106
Поэма о хлебе	110
Отчий дом	119
Большое Нагаткино	
(Отрывки из поэмы)	123

Воспоминания о Чебоксарах	
(Отрывок из поэмы).....	127
Марине	130
Муса Джалиль	202
И пахарь, и воин.....	207
Послесловие.	
О поэзии Анатолия Юмана.....	209

Серия
«Литературная коллекция»

ПОЭТЫ
УЛЬЯНОВСКОГО–СИМБИРСКОГО КРАЯ

Анатолий ЮМАН

СОКРОВЕННОЕ

Избранные стихотворения. Поэмы

Ответственная за выпуск Г. Серова.

Редактор О. Знахарчук.

Дизайн обложки Л. Восевой.

Компьютерная верстка Т. Бурмистровой.

Издательский дом «Караван».

432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Воробьева, д. 89.

Тел./ факс (8422) 44-61-28.

E-mail: karavanllc@gmail.com

Подписано в печать 03.06.2011.

Бумага офсетная. Формат 70x90^{1/32}.

Гарнитура SchoolBook. Тираж 500 экз.

Дополнительный тираж (100 экз.) отпечатан
за счет собственных средств автора.

Заказ

Отпечатано с предоставленного электронного файла
в ОАО «Областная типография «Печатный двор»
Россия, г. Ульяновск, ул Пушкирева, д. 27

ISBN 978-5-91981-005-6

9 785919 810056